

Введение в структурно-онтологическую методологию: анализ предметной области социализации личности

Виталий Шимко
доктор психологических наук
<https://orcid.org/0000-0003-4937-6976>

Аннотация. Данный документ является сборником «заметок на полях», раскрывающих состав и содержание метода структурно-онтологического анализа. Указанный метод разработан для системного описания предметной области изучаемых явлений. Он включает специальную процедуру по построению структурно-онтологических матриц и алгоритм их описания. Междисциплинарная направленность метода продемонстрирована на примере анализа процесса социализации личности.

Ключевые слова: структурная онтология, структурно-онтологический метод, системология, системный анализ, социализация личности, познание, предметная область исследования, методология.

Introduction to structural-ontological methodology: analysis of the subject matter field of personality socialization

Vitalii Shymko
Doctor of Psychology
<https://orcid.org/0000-0003-4937-6976>

Abstract. This document is a collection of `marginal notes` revealing the composition and content of the structural ontological analysis method. The specified method is developed for a systemic description of the subject matter area of the studied phenomena. It includes a special procedure for constructing structural-ontological matrices and an algorithm for their description. The interdisciplinary focus of the method is demonstrated by the example of an analysis of the personality socialization process.

Keywords: structural ontology, structural-ontological method, systemology, system analysis, personality socialization, cognition, subject matter field of research, methodology.

О бедном мышлении замолвите слово, или Зачем нужна системология?

Способность человека мыслить – величайший дар, доставшийся нам из сокровищниц эволюции. Современное общество тратит немало ресурсов на развитие этой способности. Воспитательно-образовательные институты давно выросли из статуса учреждений «социальной инфраструктуры» и формируют фундамент глобальной экономики, не говоря уже о других сферах человеческого общежития. В 21 веке в самую пору говорить о становлении «промышленности мышления», переживающей беспрецедентные преобразования. Информационная глобализация упрощает трансляцию мыслительных технологий, увеличивая количество клиентского портфолио и расширяя возрастной диапазон потребителей до продолжительности человеческой жизни. Драматически растет разнообразие прикладного репертуара мышления. Финансовый оборот в данной отрасли исчисляется девятизначными числами. И не смотря на все вышеперечисленное, есть многочисленные основания обнаружить в мышлении свойства «бедности»... Почему?

Среди необозримо длинного перечня аргументов, остановимся на двух наиболее, на наш взгляд, весомых причинах. Во-первых, согласно позиции Карла Густава Юнга [1] мышление является одной из функций психики. В свою очередь, психика – есть процесс энергетический (в научно-физическом смысле). Любой энергетический процесс обладает направленностью, что неизбежно предопределяет однобокость мышления. Копнув еще чуть-чуть глубже, обратим внимание также и на то, что мышление работает с той информацией, которая предоставляется другой функцией психики – восприятием. И снова имеем дело с направленным энергетическим феноменом! Процесс восприятия опирается на различие в воспринимаемом объекте противоположностей (правое-левое, светлое-темное, горячее-холодное и т.п.). Образ воспринятого объекта формируется из совокупности различных в нем характеристик, противоположности которых просто отбрасываются. То есть, само по себе, однобокое мышление оперирует с изначально тенденциозно отобранными данными. Бедное-бедное мышление...

Во-вторых, современная технократическая цивилизация стоит на плечах того мышления, которое вместе с человеческим телом развивалось на протяжении, по крайней мере, десятков миллионов лет. Эволюция – ленивый и неспешный процесс, цинично отбраковывающий методом проб и ошибок не только биологический «материал», но и специфические паттерны мышления. Изменения формируются крайне медленно, в то время как завоевания – живут упрямо и долго. Одним из таких завоеваний является высокая скорость нашего мышления. Мы мыслим достаточно быстро, а все что делается быстро – редко отличается ювелирной точностью и добротным качеством. Высокоскоростное мышление эволюционно сформировалось в ситуациях, объективно требующих мгновенного принятия решения.

Например, представим себе доисторического человека, выбирающегося утром из своей доисторической пещеры с намерением заняться какими-то важными (или не очень) доисторическими делами. И тут на пороге логова нашего героя ему встречается не менее доисторический хищник! Все медленно и качественно мыслящие особи,

разумеется, теряли свои шансы на дальнейшее участие в эволюционном марафоне. Выжили только те, которые обладали необычайно подвижными нейродинамическими характеристиками и успевали смекнуть, что нужно «рвать когти». Простите за иллюстративную грубость примера, но это опять же скорый способ объяснить идею – при быстрой езде нет возможности объезжать все ямы. Скорость мышления «съедает» процессуальное изящество и операционную точность в пользу достижимости результата, пусть и в шероховатом его виде.

Очень многие предрассудки, предвзятости, глюки понимания, ошибки суждений, искажения трактовок и прочие разнообразные интеллектуальные чудачества современного человека появляются внезапно и на ровном месте именно благодаря этой эволюционно обусловленной особенности мышления – упрощать и «срезать углы». Таким образом, упомянутая выше бедность мышления заключается, прежде всего, в его узости, однобокости, фрагментарности и тенденциозности. Увы, это – не полный перечень аргументов по теме, прикладная суть которой состоит в принципиальной неспособности мышления обеспечить многоаспектную целостность (а значит, адекватность!) формируемой картины мира. Для выполнения этой задачи мышлению необходим интеллектуальный «костыль». Пожалуй, наиболее эффективная его версия предлагается сферой знаний, известной как – *системология*.

Коренное слово «система» имеет древнегреческое происхождение и несет следующую этимологию: «целое, составленное из частей; соединение». В свою очередь, системологию принято определять, как – «науку о системах и системной организации процессов и явлений природы, науки, техники, общественных формаций, функциональных образований и структур» [2]. Данное определение, позаимствованное из просторов справочного интернета, можно условно обозначить в качестве базового по критерию его распространенности. Эта дефиниция позволяет сформировать первое очень обобщенное и поверхностное представление о системологии, которое «живет» в умах большей части образованных читателей. Однако, данное определение содержит непростительную ошибку, относя системологию к науке и забывая упомянуть такую категорию, как – *методология* (что не одно и то же!). Об этом принципиально важном моменте (имеющем не только теоретический, но и практический вес и последствия) мы обязательно поговорим в следующий раз. Сейчас же вернемся к тезису о системологическом «костыле».

Системологическая культура мышления возникает компенсаторно. Она появляется именно из-за естественного брака целостности продуктов мыслительной деятельности. Так называемое, спонтанное мышление или мышление по наитию (если хотите – бытовое мышление) создает комфортное ощущение экспресс-интеллектуальности со всеми вышеупомянутыми и многими другими издержками персонажа, спасающегося от доисторического хищника. Мыслящий современник, не зависимо от уровня образования, часто-густо продолжает «успешно» убежать от уже несуществующих угроз, не замечая опасностей актуальных. Наиболее чреватые из них – несамостоятельность мышления, повышенная внушаемость и, в конечном итоге, потеря аутентичности. Это обуславливает появление фанатической потребности во внешнем мыслительном лекале, истинность которого принимается на основе веры и/или интеллектуальной лени.

Отвечая на вопрос, актуализированный в заголовке данного текста – конечно, без системологии выжить по-прежнему можно! Выжить – означает быть адаптивным

представителем биологического вида. Но можно ли жить в человеческом смысле? Можно ли быть полноценной личностью и при этом не обладать способностью целостно осмысливать себя? Познавать мир и означивать его по своему собственному усмотрению? Творить и созидать, а стало быть – преобразовывать пространство жизни? Выдающийся мыслитель прошлого века – Георгий Петрович Щедровицкий – сформировал уникальный дискурс по данной проблематике. И с обоснованием его точки зрения сложно не согласиться... Опираясь на идейное наследие ГП [3] и в поисках новых системологических алгоритмов для решения прикладных задач (научно-исследовательских, психотерапевтических, организационно-управленческих, информационных, маркетинговых и пр.), был разработан авторский метод *структурно-онтологического анализа*. Популярному раскрытию теории этого метода, а также описанию практических примеров его применения и посвящена данная рубрика.

Ссылки:

1. Юнг К. Избранные труды по аналитической психологии / Карл Юнг. – Цюрих, 1939.
2. Системология [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://traditio.wiki/Системология>.
3. Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Георгий Щедровицкий. — М., Издательство Школы культурной политики, 1995.

Системный подход, экзистенциальная депрессия и структурированная галлюцинация – есть ли связь?

Наверное, большинство из нас помнит детскую дворовую игру «испорченный телефон», когда один играющий на ушко говорит другому произвольную фразу и просит передать ее следующему участнику. Уже через 5-6 ретрансляций сообщение существенно преобразуется – как на уровне формулировки, так и в плане содержания. Обычно, секрет такого фокуса связывают с непосредственными участниками игры, их индивидуальной психологией. Однако, не менее значимое искажение вносит инструмент передачи информации – язык.

Опускаем здесь по соображениям лаконичности разбор особенностей человеческого языка (еще его называют – *естественным языком*), которые делают возможным и даже провоцируют ошибки восприятия, обработки и передачи информации. Отметим лишь то, что слова непрочно «пристегиваются» к значениям и нацелены не столько на объекты реальности (как может показаться на первый взгляд), сколько на другие слова. Естественный язык мозаично «кружит» вокруг реальности, никогда не достигая ее. По этой причине он получил заслуженную «двойку» на экзамене по кибернетике в середине прошлого века, что привело к всплеску развития искусственных языков.

Символично, что древнегреческая этимология слова *кибернетика* – искусство управления кораблем. Французский физик Андре Ампер в 1830 году предложил понимать это искусство более широко и экстраполировал его на сферу управления государством, представлявшимся крупным многоаспектным образованием. И хотя Ампер формально не использовал термин *система*, но некоторые историки науки считают его первым, кто поднял вопрос о научном подходе к управлению сложными системами. И уж, коль скоро, этот текст исполнен на естественном языке, то давайте проясним ключевые понятия, которые будут использоваться далее. Пусть путеводным принципом такого прояснения станет позиция Карла Юнга: «Неважно, какие названия мы используем. Важно договориться о том, какие значения мы подразумеваем».

В прошлый раз мы возразили против одностороннего отождествления системологии с наукой. Почему? «**Наука** – сфера человеческой деятельности, результатом которой является новое знание об объективно существующей действительности, отвечающее критериям относительной истинности, которые совершенствуются и конкретизируются по мере развития методов научного познания» [1, с.9] В свою очередь, «**методология науки** – это система знаний о принципах построения, формах и способах организации научного познания, а также о способах установления степени достаточной обоснованности и верифицированности знаний, получаемых в процессе научного исследования естественных (природных) и социальных явлений» [там же, с.2].

Более упрощенно: наука – познавательная деятельность, а методология – рефлексия этой деятельности. Если результат науки – знание о мире, то методология нацелена на осмысление самого процесса познания. Наука составляет карту исследуемого объекта, а методология отвечает на два фундаментальных «картографических» вопроса: ЧТО конкретно в данном объекте исследуется (каков предмет исследования) и КАК именно организовано познание? В излагаемом ключе, системология – не есть знание научное, а

знание методологическое. Суть системологии в том, что любой объект научного познания априори рассматривается как система и/или часть некоей системы, то есть в контексте метафизического концепта под названием – *целостность*. Поэтому Ампер никак не является основоположником системологии. Также не может претендовать на этот статус предшественник и соотечественник Ампера – Этьенн Кондильяк, подаривший миру «Трактат о системах» (1749) и длинная вереница других выдающихся мыслителей, уходящая вглубь веков, вплоть до «системолога» Древней Эллады – Аристотеля. Быть может, тогда Пифагор, живший за два века до Аристотеля? Вряд ли...

Системология не столько сопряжена с именами конкретных философов и ученых, сколько обусловлена универсальной и принципиально не насыщаемой человеческой потребностью в целостности. Кто сказал, что объективный мир целостен? Или, что он «должен» быть целостным? Что в нем существует системы со сложной многоуровневой природой, но обязательно подчиненные единому изначальному механизму вселенной или замыслу божества? Это – мы с вами, друзья, смеем так предполагать. Мы – люди. Однако, человек лишен целостности. Он рассчитался ею за язык, вместе с которым получил «в нагрузку» экзистенциальную депрессию. Идея целостности – отчаянная попытка заполнить зияющий вакуум, удачно названный Жаком Лаканом – «нехваткой бытия». В этом смысле, идея целостности – интеллектуальная шторка, прикрывающая не самый радужный вид, и являющаяся, по сути, более-менее структурированной галлюцинацией.

Там где указанная идея воплощается в практику, системология трансформируется в *системный подход* к... Его суть – наложение лекала целостности на познаваемый объект. Современная технократическая цивилизация, буквально, расцвела на основе системного подхода, позволяющего не только интеллектуально осмысливать, но и продуктивно преобразовывать окружающий мир. Мощнейший толчок естественно-научной системности инициирован в тридцатые годы прошлого века Людвигом фон Берталанфи [2]. Аналогичный импульс с философско-эпистемологическим вектором (парой десятилетий позже) был привнесен Георгием Петровичем Щедровицким [3], многотомное методологическое наследие которого раскрывает и развивает одну из центральных дефиниций:

«понятие системы предполагает, во-первых, представление изучаемого объекта как минимум по четырем основным слоям существования: (1) процессов, (2) функциональных структур, (3) организованностей материала, (4) морфологии, а во-вторых — установление определенных соответствий между строением (или структурой) слоев; так, например, слой функциональной структуры является особой формой фиксации в нашем знании соответствующих процессов, а слой организованностей материала — как об этом говорит само его название — представляет собой как бы «следы» течения процессов в определенном материале, совокупную «колею», проложенную предшествующими процессами и направляющую последующие» [3, с.500].

Осмысление идей ГП– остается актуальным вызовом для системологов-профессионалов и по сей день. Задача популяризации и широкого внедрения логических схем, структур мыследеятельности и других интеллектуальных категорий по Щедровицкому находится лишь на самой начальной стадии реализации. Осмысление великого наследия «в один присест», пожалуй, невозможно да и

нецелесообразно. Его историческая судьба, на наш взгляд, быть неспешно и основательно разобранным в многогранной методологической дискуссии по маленьким кусочкам, что само по себе станет основой формирования новой культуры системного мышления. Важнейшей предпосылкой такого мышления является умение системно воспринимать исследуемый объект. Другими словами, извлекать из наблюдаемого явления, события, факта – системные свойства и связи, структуру и содержание. Одним из возможных способов для этого является построение визуальных структурно-онтологических матриц. Непосредственное описание соответствующего метода мы начнем со следующей публикации.

Ссылки:

1. Маланов С. Методологические и теоретические основы психологии / Сергей Маланов. – Воронеж, 2005.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем /Людвиг фон Берталанфи. – Нью-Йорк, 1968.
3. Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Георгий Щедровицкий. — М., Издательство Школы культурной политики, 1995.

С чего начинается системное восприятие, или Чем отличается стейк от сингулярности?

Предыдущий пост мы завершили тезисом о **системном восприятии исследуемого объекта**. Что это вообще означает? Что общего у *системного* восприятия с несистемным и чем они отличаются? Из общего – только сама функция «информационного входа». Обычное или, точнее будет сказать, обыденное восприятие начинается с различения объекта в принципе. Это осуществляется на основе выявления физических отличий объекта от среды и/или других объектов, находящихся в поле зрения (восприятия). Как здесь не вспомнить удачное юнгианское определение: «восприятие информирует человека о том, что нечто есть». При этом, не имеет принципиальной разницы – смотрим ли мы на аппетитно-румяный ароматно-дышащий кусок телятины или слышим в рассказе официанта о фирменном блюде слово «стейк». В обоих случаях восприятие информирует нас о том, что кое-что появилось (на тарелке или в речи собеседника). В обоих случаях границы воспринятого – очевидны. Так нам, по крайней мере, кажется.

Некоторая сложность может возникнуть, если официант вместо «стейк» вдруг скажет – «сингулярность». Но даже, если нам и неизвестно значение этого слова, мы его все равно различим и позже сможем поковыряться в интернете. Именно восприятие позволит нам выделить звучание «сингулярность» из мириады других фонем и «донести» его до всезнающей Википедии. Кстати, пониманием этого термина будет заниматься другая функция психики – мышление. И это уже совсем другая история, но она была бы невозможной без функции восприятия. Того восприятия, которое «схватывает» фрагменты платоновских теней и доставляет их модели для дальнейшего «опознания» в виде информационных квази-автономий. То есть обыденное восприятие не только дискриминативно, но и дискретно. Закономерности этих характеристик мы оставляем за рамками нашего рассмотрения, поскольку это увело бы нас слишком далеко в сторону. Отметим лишь то, что обыденное восприятие мира абсолютно оправдывает максимум Лакана о том, что «истинная функция глаза – не видеть».

Какой бы объект мы не исследовали, на первый взгляд, логично начать с определения его онтологических границ. То есть необходимо прояснить контуры того бытия, фрагмент которого нас интересует. Именно здесь нас и поджидает описанная выше проблема «слепоты» обыденного восприятия. Поэтому принципиальным условием восприятия системного является отказ от заносчивого невежества по поводу того, что границы объекта нам хоть сколь-нибудь известны заранее. На старте важно осознанно позволить онтологии объекта – быть расплывчатой, нечеткой и даже двусмысленной. Первичное предположение о контурах бытийных границ объекта должно основываться отнюдь не на кажущейся очевидности (по аналогии с тем, как мы воспринимаем «стейк», «сингулярность» и т.д.). По-лакановски не доверяя глазам (а равно, и данным номотетических исследований а-ля BIG DATA), именно в самом начале необходимо задаться вопросами от Щедровицкого – каковы первичный *процесс* и *материал* изучаемой системы? Ведь взаимодействие этих фундаментальных факторов конституирует структуру системы, порождает ее морфологию и, в конечном итоге, задает онтологические контуры объекта.

«Изображение объекта в виде структуры, таким образом, должно соответствовать, с одной стороны, изображениям и описаниям процессов, а с другой стороны, изображениям и описаниям объектов как «вещей», или, в более общих терминах, — объектов как материальных образований. Учитывая данную выше функциональную характеристику структурного изображения, можно сказать, что сама структура выступает, во всяком случае с какой-то одной стороны, как остановленное изображение процессов; говоря еще проще, структура — это статическое представление процесса <...> Структурное изображение должно соответствовать изображению объекта изучения как материального образования, но само по себе оно не содержит никаких материальных характеристик и вообще лежит как бы совсем в другой плоскости. По сути дела, структура — это особый «знаниевый конструкт», которому мы не приписываем и не можем приписывать материального существования. Поэтому на следующем шаге анализа мы должны перейти к материалу системы, соответствующему выделенной структуре, и охарактеризовать его строение» [1, с.258-259].

Процесс и материал – одновременно являются как системообразующими, так и локализирующими категориями. Их взаимодействие не только детерминирует онтологию объекта, но и ограничивает ее. Там, где это взаимодействие заканчивается (исчерпывается) – заканчивается и сам объект (как «знаниевый конструкт» по Щедровицкому). Отдельно отметим, что первичный процесс может смешиваться с другими процессами, а равно аналогичные трансформации могут происходить и с материалом системы. В таком случае, объект можно продолжать системно рассматривать, но уже в новом композитном качестве. Однако, на наш взгляд, композитный объект относится к принципиально иному роду объектов, требующих самостоятельного системного описания. В текущей серии публикаций мы будем вести речь, преимущественно, об однородных системных моделях объектов, конституированных одним (первичным) процессом и материалом с изотропными характеристиками.

«Каждая функциональная структура и каждая организованность материала при правильном аналитическом представлении объекта должна соответствовать какому-то одному однородному процессу. Если в объекте существуют (или возникают) какие-то другие процессы, то происходит «взаимодействие» этих процессов с организованностями материала, фиксирующими первый процесс, в ходе которого изменяются, трансформируются как процессы, так и организованности материала, причем таким образом, что, в конце концов, между теми и другими устанавливаются соответствия: организованность материала становится сложной, многофункциональной, а каждому процессу (или типу процессов) соответствует свой особый фрагмент и своя особая структура организованности материала. Поэтому в сложной системе организованность материала устроена таким образом, что она соответствует сразу многим различным процессам и фиксирует их сосуществование и взаимодействие в одном объекте [1, с.500].

Развивая тезис Щедровицкого о «правильном представлении объекта», зададимся вопросом о целесообразных средствах такого представления. Другими словами, как именно отобразить процесс и материал в системном описании? Естественный язык – худший из возможных инструментов для этой цели. Причина – негативизм языка, на который впервые указал основоположник структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр:

«Во всех этих случаях мы вместо заранее данных понятий находим значимости, вытекающие из самой системы языка. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае чисто дифференциальны, то есть определяются не положительно – своим содержанием, но отрицательно – своими отношениями к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» [2, с.117].

Соссюр считает, что исключение составляет только отношения между *означающим* (signifier) и *означаемым* (signified), позитивная связь между которыми, однако, произвольна и как не несет значения, так и не обладает значимостью [2, с.120]. Идею негативизма языка вместе с десятками мыслителей прошлого века развивает и Лакан, аргументируя отсутствие у означающего фиксированного значения:

«Не бывает значения, которое самим своим существованием не отсылало бы к другому значению... Любая попытка очертить в языке строение вещи сразу же сделает очевидным, что строение это проявляется лишь на уровне концепта, не имеющего ничего общего с простым номинативом» [3, с.116].

Почти идеальный выход из языкового плена, при первом приближении, обещает математика. Почему «почти»? Увы, математический язык, в определенном смысле, является производным от языка естественно. Категории, которыми оперируют математические науки (от чисел до интегралов), являются «спрессованными» закодированными эквивалентами изначально вербальных конструкторов мышления. Это абсолютно очевидно, если мы возьмем, понятное каждому, арифметическое выражение: $2+2=4$. И эта же связь гораздо менее очевидна, но по-прежнему истинна, и в случае уравнения Фредгольма:

$$f(x) = \int_a^b K(x, t) \varphi(t) dt.$$

Данная формула – не более чем свернутый лаконичный текст, порожденный разумом со специфической морфологией. Развитие разума (как системы) проходит через ряд стадий, каждая из которых знаменуется достижением способности к более высокой степени абстрагирования. Так, на сегодня, принято считать, что наиболее ранний этап мышления (здесь мышление и разум – синонимы) связан с предметно-действенной морфологией. Позднее мышление приобретает наглядно-образные свойства. Затем выходит на словесно-логический уровень. Следующий этап – логико-математический. Однако, у математического языка есть, по крайней мере, два принципиальных недостатка, не позволяющих ему стать идеальным инструментом системного описания. Первый – он не менее негативистичен, по сравнению с естественным языком. Второй недостаток поясним с помощью метафоры. Потрясающие фотоснимки Земли из космоса не передают богатства жизненного разнообразия планеты. Математический язык – «съедает» онтологию объекта еще больше, чем естественный язык.

Как видим, сдвиг от словесно-логического уровня к логико-математическому на стадии системного восприятия объекта – не целесообразен. Такой шаг необходимо сделать позже – на стадии системного анализа, когда границы исследуемого объекта уже зафиксированы, а стало быть, определены состав и структура изучаемой системы. Математический инструментариум эффективен, когда элементы системы известны или произвольно определены настолько, что их можно посчитать, взвесить или как-то еще

сравнить с определенной шкалой. То есть тогда, когда проведена квантификация. Увы, перевести характеристики объекта в цифровые эквиваленты часто просто не представляется возможным не только на стадии восприятия, но и даже на стадии последующего анализа. Чаще всего такая ситуация возникает в междисциплинарных исследованиях. Как измерить, например, организационную культуру? Что подсчитывать при оценке социальной экологии урбанистического пространства?

Выход из проблемной ситуации нам видится не в движении «вверх», а наоборот – «вниз», к наглядно-образному слою мышления. Здесь уровень абстрагированности существенно ниже по сравнению с вербальным и математическим слоями. А значит, и ниже искажение, возникающее при означивании объекта и его характеристик вербальными и математическими средствами. Поэтому на стадии формирования системного восприятия объекта, на наш взгляд, необходимо визуально-образно отобразить процесс и материал системы, как скелета «знаниевого конструкта». Соответствующее изображение должно предусматривать возможность, во-первых, графически дифференцировать принципиальные характеристики процесса и материала. Во-вторых, схематически раскрывать диалектическое взаимодействие указанных конституирующих категорий системы. Для этих целей мы предлагаем использовать хорошо всем известное со школьной скамьи графическое решение – визуализацию двумерной системы координат Декарта. Обращаем внимание, что речь идет об использовании именно графического решения, а не самой координатной логики!

Этот простой, можно сказать, технический прием позволяет визуализировать равноценные (с точки зрения самой возможности образования системы), но не равнозначные (с онтологической точки зрения) факторы – материал и процесс. Пересекаясь, оси делят плоскость на четыре сегмента, которые задают контуры первичной структуры «знаниевого конструкта» и актуализируют направление гипотез о функциональных взаимодействиях. Указанные визуализации мы будем далее называть структурно-онтологическими матрицами. В каждом конкретном исследовании практическое построение такой визуализации, по сути, реализует инициальную стадию системного анализа или, по-другому, стадию системного восприятия объекта. Забегая наперед отметим, что матрицы могут синтезироваться не только на плоскости, но и приобретать «объемное» строение, а также структура матрицы не обязательно кратна четырем. Но обо всем этом по-порядку, поскольку в текущей публикации мы даже не на полпути в описании методических нюансов того, как именно определяются и конкретизируются оси в матрице. Об этом и о том, какие существуют механизмы защиты от скатывания в неоправданный метафизицизм при синтезе матриц, и что со всем этим делать дальше – поговорим в следующем выпуске.

В завершении же уточним, что, раскрываемый в данном блоге **метод структурно-онтологического анализа** был изначально разработан с целью упорядочивания и систематизации представлений о предметной области экспериментальной психологии [4] с опорой на системологическое наследие Г.П.Щедровицкого, в частности на системно-структурную парадигматику. Однако, позднее данный метод был успешно апробирован нами в междисциплинарных исследованиях более широкого спектра, что привело к существенным коррекциям и доработкам [5-7]. Поэтому для компетентного читателя отметим, что оставаясь в целом на орбите системно-структурных представлений ГП, наш подход не претендует на статус непосредственной принадлежности к Школе в силу значимых отличий во взглядах, в первую очередь, связанных с категорией мыследеятельности.

Ссылки:

1. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Георгий Щедровицкий. — М., Издательство Школы культурной политики, 1995.
2. Saussure F. Course in general linguistics / Ferdinand de Saussure. – New York, Philosophical Library, 1959.
3. Lacan J. The Insistence of the Letter in the Unconscious / Jacques Lacan. – Yale French Studies, 1966. Vol 36/37, p112-147.
4. Шимко В.А. Системна локалізація предмету в психологічних дослідженнях: процедура структурно-онтологічної візуалізації / В.А. Шимко // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Серія: Військово-спеціальні науки. – К., 2016. – Вип. 1 (34). – С.47-51. <http://miljournals.knu.ua/index.php/visnuk/article/viewFile/19/15>
5. Shymko V. [Object field of organizational culture: methodological conceptualization](#) / Vitalii Shymko – International Journal of Organizational Analysis – London, 2018. – Vol. 26 Issue: 4, pp.602-613, <https://doi.org/10.1108/IJOA-03-2017-1135>
6. Shymko V. In Pursuit of the Functional Definition of a Mind: The Inevitability of the Language Ontology / Vitalii Shymko – PSYCHOLINGUISTICS, 2018. – Vol. 23 (1), 327-346. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1211593>
7. Shymko V. In Pursuit of the Functional Definition of a Mind: the Pivotal Role of a Discourse / Vitalii Shymko – PSYCHOLINGUISTICS, 2018. – Vol.24(1), 403-424. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2018-24-1-403-424>

Структурно-онтологическая матрица: дихотомическая логика осей

Итак, как именно отобразить материал и процесс системы в «координатных» осях структурно-онтологической матрицы? Для этого нам понадобится вспомнить такое понятие, как – дихотомия. Оно подразумевает «деление объема понятия на два класса, исчерпывающих весь объем делимого понятия» [1]. Часто дихотомию понимают упрощенно в антонимичном ключе: «добро – зло»; «правда – ложь» и т.п. Однако, разделенные части совсем не обязательно должны обнаруживать противоречие или антагонизм. Главное, что бы эти части были внеположными, т.е. взаимно исключали друг друга. С этой точки зрения, «доброе – недоброе» – также является дихотомией. Как тут не вспомнить дихотомический дискурс К. Юнга о «зле, как добре менее добрых»...

Использование в структурно-онтологических матрицах именно логики дихотомий (а не других бинарных дифференциаций, например, «тезис – антитезис») оправдано стремлением обеспечить однородность процесса и материала, на чем настаивал Г.П.Щедровицкий (см. предыдущую публикацию). С другой стороны, однородность не должна достигаться за счет совсем уж куцых дихотомий («деревянный – не деревянный»), что чревато выхолащиванием исследуемой онтологии. Поэтому, следующим ключевым моментом в подборе дихотомий является адекватное (для целей системного описания) раскрытие объема делимых понятий. Так, определяя дихотомию для отображения материала необходимо спрашивать не только ЧТО? есть материал и КАКОЙ? он, но и ГДЕ? осуществляется его организация. Аналогично, для процесса – наряду с вопросом ЧТО? есть процесс, важно актуализировать КАК? он оказывает организующее воздействие на материал. Таким образом, оси матрицы по-возможности должны содержать «место» для ответов на эти вопросы. Это позволяет расширить онтологическое пространство, охватываемое матрицей, не в ущерб принципу однородности.

В большинстве случаев рекомендуется использовать те дихотомии, которые уже присутствуют в научных теориях, посвященных исследуемой проблематике. С одной стороны, это условие выступает определенным предохранителем от неоправданного волюнтаризма и, как следствие, снижает неизбежный синкретизм структурно-онтологических гипотез. С другой стороны, весьма полезно сравнить полученные выводы в результате проведенного анализа с теми положениями, которые постулируются в рамках материнских теорий используемых дихотомий. Такое контрастирование, среди прочего, позволяет оценить эвристическую продуктивность сформулированных предположений.

В качестве одного из примеров заимствования дихотомий для построения структурно-онтологической матрицы можно рассматривать авторскую попытку осмысления такой проблемы, как – социализация личности [2]. Указанная работа как раз и была написана с целью технической демонстрации используемого в анализе метода. Однако, необходимо учитывать множество научно-бюрократических ограничений любого академического текста. Цензуре подвергается не только структура подачи материала, но и его стилистика, что далеко не всегда оправдано. Публикация получилась сухой,

прилизанной и откровенно скучной. Унификация и классификация научных идей объективно необходимы. Однако, будучи скрещенными вместе с заботой о читабельности текстов, эти факторы могут оказывать и контрпродуктивный эффект. Особенно это касается методологических работ, главная цель которых – поиск новых точек и углов зрения на предметное поле исследуемых вопросов. Полярно перефразировав Ж. Лакана, данная сфера должна порождать тексты не для чтения, а для понимания. На наш взгляд, разумеется.

Приятным преимуществами научно-популярной авторской колонки являются как стилистические, так и парадигмальные степени свободы. Некоторые, пусть даже заведомо глупые и/или ошибочные идеи, должны быть сформулированы хотя бы для того, что бы стать экспериментальным полигоном и контрастным фоном для последующих умных и/или истинных открытий. Методологическое знание – не в словах и не в цифрах, а в дискурсах. Оно – дискурсивно. Инновации в методологии науки требуют новых дискурсов. И как бы это не казалось странным на первый взгляд, даже «глупый» текст может содержать и порождать «умный» дискурс или, другими словами, продуктивный подход к новому пониманию. В этой связи, с крупинкой юмора отметим, что для методологического творчества крайне полезным является «презумпция не глупости» любой гипотезы до ее проверки практикой.

Пользуясь данной презумпцией, предложим альтернативный структурно-онтологический взгляд на проблему *социализации личности*. Рассмотрим еще одну точку зрения из неопределяемо широкого множества возможных вариантов «знаниевых конструкторов» по Г.П. Щедровицкому. Начнем с отображения материала системы. Технически соответствующая ось при первом приближении могла бы выглядеть так: «не социализированная личность» – «социализированная личность». Однако, смущает расплывчатость, противоречивость и неоднородность понятия «личность». Теории личности, как правило, представлены сложными многоуровневыми и мультифакторными концептами, которые объективно непросто «втиснуть» в бинарность дихотомии. Также было бы весьма затруднительным определить ту точку, которая делит объем рассматриваемого понятия на социализированную и не социализированную составляющие. Структурно-онтологическая матрица с такой репрезентацией материала была бы слишком спрессованной и перенасыщенной.

Поэтому, в данном случае мы предлагаем снизить уровень неоднородности и неопределенности «социализации личности», выбрав в качестве материала системы – «психику», дифференциация которой является платформой по отношению к личностной социализации. И дело вовсе не в том, что «психика» яко бы является более простым и/или однородным понятием. Однако, в случае с «психикой» мы можем, по крайней мере, более определенно говорить о «старте» и «финале» данного явления. Для уточнения соответствующего дихотомического концепта воспользуемся структурными и генетическими представлениями К. Юнга о психике и ее дифференциации в процессе социализации личности. Стартовая точка психики по К. Юнгу представлена *коллективным бессознательным* (архетипы), которое предшествуют любым личностным надстройкам и является для них априорным фундаментом. Финальная позиция – *индивидуированное сознание*, появляющаяся в результате социализации личности, которую К. Юнг называет процессом индивидуации или восамостоявлением.

При определении первичного процесса системы важно помнить, что он должен быть адекватен (онтологически) материалу, с которым он взаимодействует. Не смотря на

широко распространенное восприятие фигуры К.Юнга в философско-религиозном ключе, его труды преимущественно опираются на естественнонаучную парадигму, о чем и сам мэтр неоднократно указывает на страницах своих работ. В частности, он говорит о психике, как об энергетическом (в физическом смысле) явлении. К.Юнг «отвлекает» внимание читателя своими насколько же глубокими, настолько и широкими гуманитарными компетенциями. Однако, ключевые представления об устройстве, развитии и функционировании психики (типы психической установки, компенсаторность сознания и бессознательного, феномен и работа памяти, динамика экто-психических функций, природа сновидений и мн.др.) пронизаны энергетическими закономерностями. Символично, что даже центральное понятие фрейдовского психоанализа – «либидо», де-сексуализировано К. Юнгом в пользу нейтрального концепта «психической энергии». Кстати, именно с этого момента, век назад, когда-то и дебютировал профессиональный и личностный раскол между двумя мыслителями, но мы сейчас не об этом.

Рассматривая психику в энергетическом ключе логично рассматривать в качестве первичного процесса одно из ее про-энергетических базисных свойств – разрядку напряжения. Соответствующая дихотомия на одном полюсе оси будет представлена максимально возможным напряжением, на противоположном – принципиальным его отсутствием. Данные, по сути, технические характеристики необходимо поместить в онтологический контекст. Как именно проявляются эти дихотомические характеристики? Максимальное напряжение связано с возникновением критических ситуаций в процессе социализации личности. Парадоксально, но если исходить из квази-философской позиции «жизнь – это движение», то наиболее высоким жизненным потенциалом человек обладает в самые трудные (напряженные) моменты или периоды социализации. Мы особенно живы тогда, когда нам труднее всего! Всегда ли мы это осознаем?.. Соответствующую часть дихотомии мы обозначим – *невозможность бытия*. Формулировкой мы обязаны идеям выдающегося ученого Ф.Е. Василюка, в частности, касаемо связи между феноменом переживания и «ситуациями невозможности» [3]. Отметим, что данные идеи комплиментарны юнгианским позициям и могут быть использованы в дальнейшем теоретическом анализе без риска возникновения существенных несогласованностей и противоречий.

Вторая часть дихотомии, отображающей процесс, должна исключать напряжение *per se*. Собственно, это – *смерть*, как онтологическая категория. Трансцендентная вне-бытийная позиция, исключающая всякую возможность напряжения. Заметим здесь напрашивающиеся параллели между рассматриваемым нами первичным процессом и понятием «инстинкт смерти», открытым Сабиной Шпильрейн (ученица К.Юнга) и четверть столетия позже введенный в психоаналитический обиход Паулем Федерном (ученик З.Фрейда). Также в описываемой связи нельзя не вспомнить позднего Ж.Лакана с его обоснованием того, что все влечения являются вторичными и производными от влечения к смерти. Собственно список заметных ученых и философов, размышлявших в этом направлении, можно существенно продлить. Однако, вернемся к нашему рассмотрению, которое подошло вплотную к завершению первого этапа структурно-онтологического анализа – системному восприятию объекта. Этот этап исчерпывается формированием матрицы (рис. 1), которая осями «схватывает» онтологические границы исследуемого объекта. С точки зрения текущего «знаниевого конструкта» вне этих границ – объект не существует, что не означает отсутствия существования связей с другими объектами.

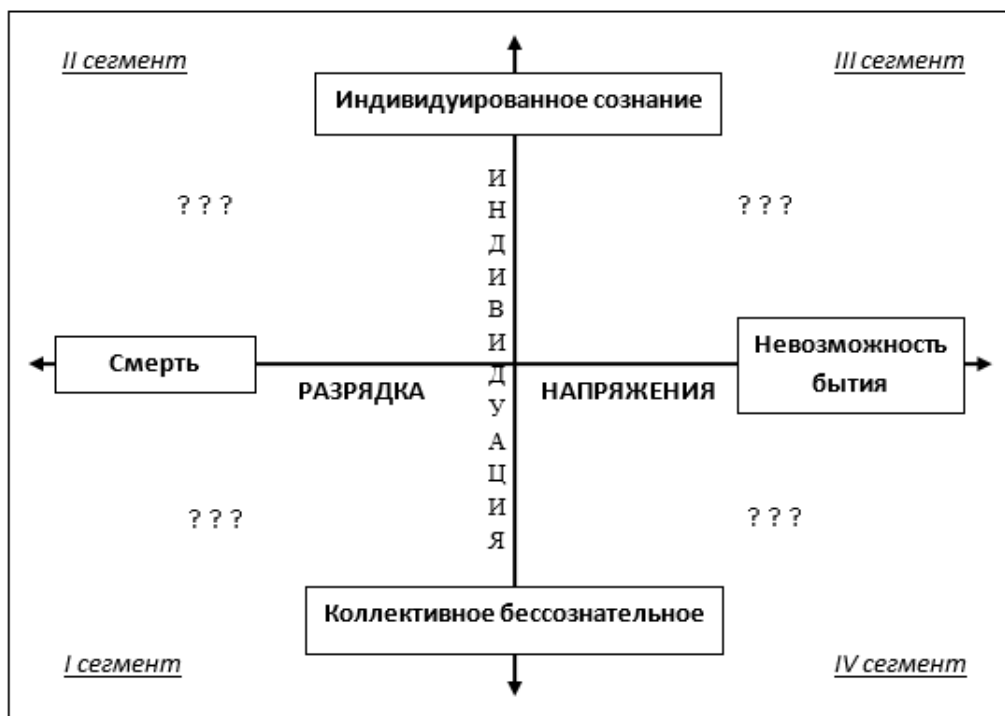

Рис. 1. Структурно-онтологическая матрица социализации личности (этап системного восприятия объекта)

Обращаем внимание на то, что формирование матрицы не завершено. Последующие шаги системного описания мы начнем с идентификации сегментов и исследования межсегментных связей, однако, это уже непосредственно стадия – анализа. Также сейчас мы оставим без объяснения то, почему обе оси имеют двухстороннюю направленность (это – не ошибка!), не взирая на кажущуюся логичность устремить материал вверх, а процесс влево. Обо всем этом продолжим в следующий раз. А сейчас, оставляем синхронных читателей нашей колонки с приятной перспективой поразмышлять над данными вопросами самостоятельно и позже сравнить свою позицию с видением автора.

Ссылки:

1. Дихотомия [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/342/ДИХОТОМИЯ
2. Шимко В.А. Системна локалізація предмету в психологічних дослідженнях: процедура структурно-онтологічної візуалізації / В.А. Шимко // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Серія: Військово-спеціальні науки. – К., 2016. – Вип. 1 (34). – С.47-51. <http://miljournals.knu.ua/index.php/visnuk/article/viewFile/19/15>
3. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. — М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.

Структурно-онтологическая матрица: приступаем к идентификации сегментов

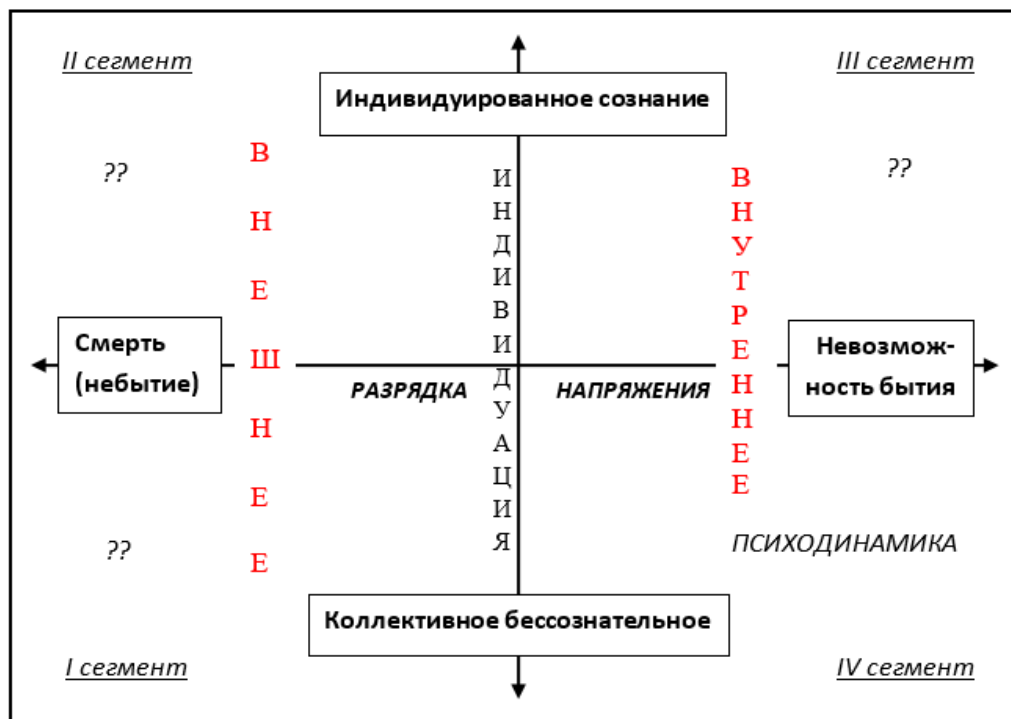
Как мы уже знаем, формирование осей матрицы позволяет зафиксировать изучаемый объект. Зафиксировать где? В нашем восприятии, конечно. Напомним, что в системном анализе мы имеем дело с объектом, как знаниевым конструктом (Щедровицкий). Объект всегда остается когнитивной моделью фрагмента реальности. В свою очередь, реальность – абсолютная эмпирическая тайна, стимулирующая разум создавать и нагромождать соответствующие когнитивные модели. Последние всегда «отстают» от первой. Можно ли считать, что модель идентична фрагменту реальности в результате «проверки практикой» или с помощью, так называемой, эмпирической верификации. На наш взгляд, нельзя. Верифицированная модель – это, по-прежнему, «отстающая» от реальности модель. Почему?

Суть любой практической проверки или верификации – согласование одной модели с другими моделями *реальности*, а не с самой реальностью *per se*. Никакой «проверки», на самом деле, не происходит. Реальность – трансцендентна, т.е. априори не доступна для восприятия. Нередко под реальностью подразумевают – *действительность*, которую Юнг необычайно метко определил, как «совокупность всего, что действует» (на органы восприятия, магнитную стрелку компаса, монитор осциллографа, датчик ионизации пламени и т.д.). Если реальность таинственно непостижима, то действительность ошеломляюще изменчива. И речь здесь вовсе не о забавной игре слов. В каком-то смысле мы поработаны действительностью, возможно, чтобы не соприкоснуться с реальностью? Мириады нейро-сенсорных нитей охватывают импульсным вихрем разум, который по эволюционным меркам едва покинул ясли. Не взирая на научно-технический прогресс, так называемое, современный человек по-прежнему ищет спасение, возводя посреди беспокойного океана островки из зыбкого песка под названием – миропонимание. Неудивительно, что с первых удавшихся попыток «свое» миропонимание кажется самым правильным или единственно таковым.

Так или иначе, говорить о реалистичности взглядов (в том числе, системных) не приходится. Уместно говорить о разумности взглядов, механизм и критерий которой удачно аксиоматизированы Фейербахом: «Разумное суждение – это такое суждение, которое согласуется с суждениями других». Данный тезис на первый взгляд может показаться философским клише. Однако его необычайно важно удерживать в сознании, решая следующую за осе-построительным этапом задачу – идентификацию сегментов. Оси матрицы не только фиксируют онтологические контуры объекта, но и автоматически формируют четверичную структуру знаниевого конструкта (при двухосной матрице). Идентификация сегментов, как раз, и предполагает необходимость «разумного» сопоставления и согласования пар факторов, образующих соответствующий участок матрицы.

Нумерацию сегментов матрицы (рис. 2) мы обычно начинаем с левого нижнего квадранта и реализуем по часовой стрелке. Так сложилось исторически без какой-либо рациональной на то причины. Однако, идентификацию самих сегментов, из нашего опыта, есть смысл начинать с наиболее доступного (для понимания исследователя) сочетания дихотомических частей *процесса* и *материала*, анализируемой системы. Эта

процедура во многом напоминает интуитивное «разгадывание» факторов, в процессе факторного анализа, как многомерного метода математико-статистической обработки данных. Посвященный читатель наверняка помнит ритуальную пляску сознания вокруг столбиков, пламенеющих сгруппированными переменными. Здесь, как нельзя кстати, полезным оказывается фейербаховское согласование. Как мы увидим далее, принцип согласованности не только обеспечивает непротиворечивость когнитивной модели в целом, но и облегчает задачу по идентификации ее структурных составляющих, в частности.

Рис. 2. Структурно-онтологическая матрица социализации личности (идентификация сегментов)

В рассматриваемом случае, мы считаем наиболее очевидным четвертый сегмент, который образуется «невозможностью бытия» и «коллективным бессознательным» (рис. 2). Согласование двух концептов, по нашему мнению, логично апеллирует к такому понятию, как – *психодинамика*. С ее помощью бессознательная психика «отвечает» на невозможность бытия. Возможен ли другой вариант? Иная согласующая точка зрения? Разумеется, да. Например, мы могли бы использовать концепт *переживание-деятельность* (Василюк). Ограничения здесь связаны, преимущественно, с исследовательским креативом и, опять же, согласованностью. А именно, с одной стороны, «психодинамика» должна согласовываться со значениями, содержащимися в «невозможности бытия» и «коллективном бессознательном». С другой стороны, не противоречить тем категориям, которые будут использованы в последующем структурно-онтологическом анализе.

Термин *психодинамика* связан со взглядами Фрейда, сформировавшимися благодаря влиянию его университетского профессора физиологии Эрнеста фон Брюкке. Так, фон Брюкке считал, что человек является энергетической системой, функционирование

которой подчиняется законами термодинамики [1]. Брюкке подтолкнул Фрейда к «энергетизации» представлений о психике, что воплотилось в концепции психосексуального *либидо*. Позднее, фрейдовская инновация претерпела существенное развитие, реализованное его учениками и последователями. Мы трактуем психодинамику в юнгианском ключе, как сложную многоуровневую форму психической активности, изначально детерминированную архетипами коллективного бессознательного.

Еще раз подчеркнем, что в текущем анализе юнгианский дрейф в понимании психодинамики обусловлен соображениями согласованности. А именно, при определении материала системы мы использовали категории аналитической психологии Юнга. Принципиальная допустимость задействования иной психодинамической концепции, тем не менее, предполагает необходимость проверки отсутствия понятийных и концептуальных несовместимостей. Например, было бы противоречивым опираться на представления Лакана о психодинамике, существенная часть которой вынесена за рамки личности, в язык («Порядок Символического»). По сути, лакановское бессознательное находится «вовне». У Юнга же, не смотря на его утверждения о трансцендентности, вездесущести и вневременности бессознательного, оно локализовано «внутри» личности. Обвиняя Фрейда в топологической косности (например, ПОД-сознание, СВЕРХ-я), Юнгу не удалось избежать совершения равным счетом этого же «греха» и в абсолютно аналогичной ситуации – при попытке структурного описания природы психического. Чего только стоит классификация психических функций на «подчиненные» и «высшие» в типологической модели личности?!

Избавиться от такого квази-структурализма, увы, попросту невозможно по причинам, на которых мы уже останавливались в наших предыдущих публикациях. В поисках мифической целостности человек устремляется в мир, который немедленно поработает его сетями, упоминавшимися выше. И не смотря на крепнущее подозрение в «собственной правоте», субъективная действительность не восполняет лакановскую «нехватку бытия». Как следствие, мы продолжаем галлюцинировать реальностью [2], складывая ее модели из материала и по технологиям, подброшенной действительностью – правым и левым (ботинком), над-стоящим и под-лежащим (слоем), сексуальным и властным (мотивом), внешним и внутренним (органом) и пр. В любой философии найдется слишком много повседневной психофизики, а в каждом стремлении «понять» слишком мало чего-то еще, кроме желания неизвестного – свободы. Ведь, вроде бы, именно так и проложен путь к целостности?..

Смысл этого отступления в акценте на том, что метафоры, тропы, коннотации и прочие «значения исподтишка» – неизбежны и естественны. Прочитанный выше тезис Фейербаха о согласованности, надеемся, сейчас меньше воспринимается в качестве клише, а больше – как важный методологический и, одновременно, методический инструмент системного описания. Возвращаясь к осмыслению психодинамической части нашей матрицы (рис. 2), обратимся к сегменто-образующим факторам. Вертикальная ось (материал системы) концептуально представляет психику посредством дихотомии «коллективное бессознательное-индивидуированное сознание». Разумеется, данная схема не может отобразить необозримо большое число градиентов между двумя полюсами. Немыслимо уместить соответствующую онтологию в рамках бинарной модели также и с оглядкой на неравномерность, цикличность и различную интенсивность трансформационного влияния первичного

процесса (горизонтальная ось) на материал системы. Дифференциация психики осуществляется неравномерными скачками, сопровождается регрессивными откатами и возобновлением прогрессивной направленности. В дополнении сказанного, разрядка напряжения имеет «обратный ход» – своего рода депрессивное «сжатие» после выброса энергии. Перечисленные нюансы отображены с помощью центробежных концевых стрелок на осях (рис. 2).

В завершении обратим внимание еще на один важный нюанс. Юнгианская «внутренняя» локализация бессознательного (и психики в целом) совпадает с онтологическим «местом», в котором в следствии невозможности бытия возникает напряжение. Это задает «внутреннюю» характеристику не только четвертому, но и третьему сегменту, охватывая всю правую полуплоскость матрицы (рис. 2). С другой стороны, субстанционно «внутренняя» психика рассматривается, как имеющая наряду с внутренними, также и внешние функции. Юнг использует специальные термины – *эндопсихические* и *эктопсихические* функции. Более того, отличия между внутренней и внешней направленностью психики генерализируются через выделение категории – *тип психической установки* (интроверсия и экстраверсия, соответственно). Таким образом, психодинамический «внутренний» сегмент нашей матрицы функционально связан с «внешней» ее частью. Где она может быть расположена? Только слева по отношению к вертикальной оси. Как видим, на стадии идентификации одного сегмента, благодаря понятийному согласованию, мы получаем предвосхищающие представления об онтологических характеристиках других структурных компонентов матрицы (рис. 2). Это обеспечивает согласованность методологического рассуждения и существенно облегчает дальнейшую работу по идентификации сегментов, которую мы продолжим в следующий раз.

Ссылки:

1. Психодинамика [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Психодинамика>
2. Шимко, В. (2018, November 13). Системный подход, экзистенциальная депрессия и структурированная галлюцинация – есть ли связь?. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.1880453>

Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии

В предыдущей публикации мы определили правую и левую полуплоскости структурно-онтологической матрицы, как «внутреннюю» и «внешнюю», соответственно. Это поможет нам в дальнейшей идентификационной работе, которую мы продолжаем в направлении третьего сегмента. Двигаясь от «психодинамики» вверх, мы по-прежнему остаемся во «внутреннем» пространстве психики. Однако, данное движение предполагает изменения материала системы, связанные с юнгианской индивидуацией – процессом дифференциации психики.

«Индивидуация – процесс образования и обособления единичных существ; говоря особо, она есть развитие психологического индивида, как существа, отличного от общей, коллективной психологии <...> Индивидуация является естественно необходимой, поскольку задержка индивидуации посредством преимущественной или исключительной нормировки по коллективным масштабам означает нанесение ущерба индивидуальной жизнедеятельности. Но индивидуальность уже дана физически и физиологически, и соответственно этому она выражается и психологически. Поэтому существенно задерживать развитие индивидуальности – значит искусственно калечить ее. Ясно без дальнейших рассуждений, что социальная группа, состоящая из искалеченных индивидов, не может быть установлением здоровым, жизнеспособным и долговечным, ибо только то общество может считаться живучим и долговечным, которое умеет сохранять свою внутреннюю связь и свои коллективные ценности при возможно большей свободе индивида, а так как индивид есть не только единичное существо, но предполагает и коллективное отношение к своему существованию, то процесс индивидуации ведет не к разъединению, а к более интенсивной и более общей коллективной связанности» [1].

Не все так просто с «коллективной связанностью», поскольку она зиждется на чувстве индивидуальной вины за отрыв от «стада» и стремлением к «искуплению». Однако, к этому важному аспекту мы вернемся позже, а сейчас зададимся вопросом о том, как именно происходит «образование и обособление единичных существ»? Качественной вехой индивидуации является появление эго – центрального элемента сознания. Юнг предпочитает использовать термин эго-сознание, под которым подразумевает комплекс (структурная единица психики в аналитической психологии), онтологически представленный совокупностью эго-отношений. Юнг обращает внимание на следующий парадокс: будучи центром сознания, само по себе эго – бессознательно. Своеобразное «черное пятно на солнце». Юнг поясняет, что эго не является источником «света», но скорее фокусом психических факторов, обуславливающих сознание.

Теперь обратим внимание на нашу матрицу (рис. 3). Верхняя полуось материала не случайно представлена «индивидуированным сознанием» – итогом тех трансформационных изменений, которые занимают десятилетия. Юнг выделяет два больших и принципиальных этапа индивидуации, называя их *первой* и *второй половиной жизни*. Первая – посвящена выполнению «биологической задачи» (цель которой – произвести потомство), вторая предполагает реализацию уникального психологического потенциала («духовная задача»). Нижняя и верхняя полуплоскости матрицы, соответственно, отображают эту стадийность индивидуации. Таким образом,

условная точка возникновения эго расположена не в центре матрицы (что может показаться «логичным» на первый взгляд), а в пределах нижней полуоси схемы (рис. 3). В этой связи, обращаем внимание, что матрица не предполагает контрастного разделения на зоны сознания и бессознательного. Позиция «коллективное бессознательное» на схеме отображает стартовую онтологическую конфигурацию материала системы, но не наделяет содержание нижней полуплоскости матрицы монопольным свойством бессознательности. Точно также верхнюю полуплоскость было бы ошибочным рассматривать, как исключительно «территорию» сознательных процессов.

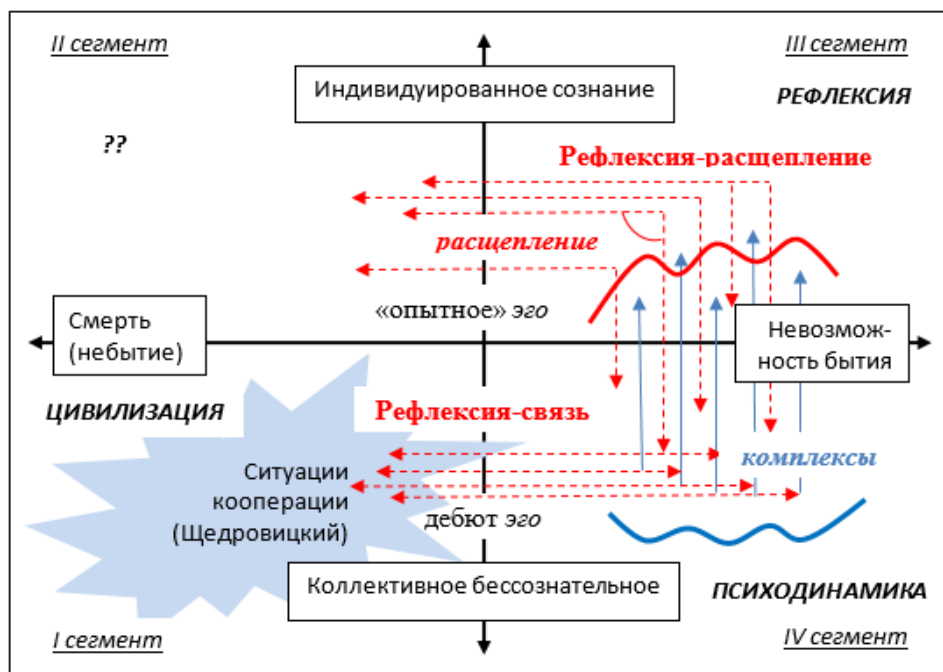

Рис. 3. Структурно-онтологическая матрица социализации личности. Два плана рефлексии.

Как мы уже знаем, в структурно-онтологическом анализе при построении осей матрицы используется дихотомическая логика для первичной и принципиальной ориентировки в исследуемом объекте. Рассмотренная нами в предыдущих публикациях *стадия системного восприятия объекта* требует выделения «чистых» недвусмысленных признаков первичного процесса и материала системы в интересах четкого разграничения этих конституирующих факторов, а значит и самого объекта. Для данных целей, на наш взгляд, идеально подходит дихотомический принцип, предполагающий взаимоисключающую однородность идентифицируемых характеристик. Однако, дихотомическая логика призвана ОПОЗНАТЬ объект, принципиально различить его, выделить из метафизического полотна действительности. Для того же, чтобы ПОНЯТЬ объект – предусмотрена *стадия анализа* (напомним, что первым его шагом является – идентификация сегментов матрицы). И здесь простота и недвусмысленность дихотомий больше не могут оставаться ведущим аналитическим инструментом, во избежание скатывания в грубый редукционизм, механистическое выхолащивание изучаемой онтологии.

Мы считаем, что структурное понимание психики на основе оппозиции «сознание – бессознательное» было настолько же оправданным и прогрессивным в эпоху Каруса-Фрейда, насколько примитивным и бесперспективным – сегодня. Упоминаемый выше парадокс «черного пятна» был разрешен Юнгом с помощью такого понимания психического, где сознание – есть функция бессознательного, а эго-сознание – психический комплекс с далеко не всегда реализуемой «претензией» на статус центрального места среди других комплексных образований. Юнг убедительно продемонстрировал, что нет того сознательного процесса, который бы не протекал по бессознательному руслу. Сознательность и/или неосознанность – эпифеномены даже не бессознательного, а целокупной психики, как говорил Юнг. Поэтому понимание психического устройства требует структурно-онтологического различения организованности материала, а не описания его атрибутивных свойств. Рассуждая в этом русле, эго-комплекс является характеристикой такой организованности. Другими словами, психика организована комплексно в том смысле, что состоит из комплексов. Каждый такой комплекс является совокупностью аффективно заряженных идей (образов), имеющих своим источником один или несколько архетипов коллективного бессознательного.

«Комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и определенное количество собственной физиологии. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус, – словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об эго. Наш собственный эго-комплекс – это агломерация высокочувствительных компонентов, которыми эго управляет. Поэтому нет принципиальной разницы между эго-комплексом и другими комплексами <...> Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имеющими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личностное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (в смысле неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей [2].

Применительно к нашей матрице (рис. 3) комплексы – вертикально интегрированные строительные блоки психики. На примере эго-сознания мы знаем, что формирование комплексов происходит в рамках уже идентифицированного нами психодинамического сегмента, но не ограничивается им, а охватывают всю психику. Естественное развитие психики сопровождается формированием комплексов «снизу – вверх» (например, родительский комплекс). Травматическое происхождение, в терминах Юнга, «откалывает» часть эго-сознания в обратном направлении. Неиндивидуированное (инфантильное) эго подвержено безусловному констеллирующему влиянию со стороны комплексов. Качественной характеристикой индивидуированного сознания является способность различать и до известной степени оказывать влияние на собственные комплексы. Первая половина жизни связана с формированием и укреплением «продуктивных» комплексов (по сути, личностных свойств), позволяющих человеку выполнить биологическую задачу. Обратим внимание, что такие вехи социализации, как получение образования, трудоустройство, успешная карьера и пр. –

аргументированно рассматриваются Юнгом сквозь призму создания необходимых условий для выполнения биологической функции. Вторая половина жизни, наоборот, связана с освобождением *эго* от констелляции комплексов. Уточним, что в данном случае под «освобождением» понимается относительное ослабление влияния комплексов на *эго*. Юнг неоднократно отмечал, что абсолютное освобождение невозможно, поскольку комплексы – строительный материал психики *per se*.

Такое освобождение сложно осуществить волевым усилием, поскольку каждый комплекс обладает своим собственным волевым (энергетическим) потенциалом. Попытки аскетического противостояния *эго* с комплексами, как правило, не приводят ни к чему, кроме изнурительного опустошающего невроза. К слову, «зов» объявить «священную войну» за свободу и автономию *эго*, по утверждению Юнга, исходит из метафизической Самости (центральный архетип коллективного бессознательного), которая «стремится» расчистить место имплантов первой половины жизни и найти свое воплощение в сознании и, тем самым, осуществить «предначертанную миссию». В этой связи, Юнг говорит об «аристократизме» природы и «избранности» людей, которые в отличие от миллионов других «дремлющих» индивидов, сталкиваются с кризисом середины жизни. Возможно, данное полемическое объяснение предназначалось для пациентов и имело психотерапевтическую цель? Ведь Юнг-психотерапевт, преимущественно, работал именно с этой категорией неврозов. Так или иначе, факт широкого существования указанного явления – остается неоспоримым в силу своей очевидности и общеизвестности. Как же лечил Юнг своих пациентов? Как происходило терапевтическое освобождение от сковывающих комплексов и обретение подлинных (Самостных) смыслов?

Сам Юнг утверждал, что его психотерапия основывается на восстановлении нарушенной *трансцендентной функции* (связь сознания с бессознательным) и, собственно, исцеление происходит само-по-себе, поскольку в работу вступала Самость. Суть невроза середины жизни в нарушенной связи между *эго* и Самостью. При всем уважении к источнику, данную позицию сложно воспринимать в качестве научной, поскольку используемые в ней категории («трансцендентная функция», «Самость» и др.) не позволяют применить к данному тезису *принцип фальсификации* Поппера. Но что известно наверняка? С помощью анализа сновидений, активного воображения и других методов Юнг стимулировал (и развивал?) тот механизм преодоления невозможности бытия, который образовывается в психике каждого человека за долго до манифестации кризиса середины жизни – *рефлексию*. При этом Юнг рассматривал рефлексию в качестве инстинктивно подобного фактора, сформировавшегося в процессе эволюции:

«Можно даже считать, что довольно раннее возникновение человеческой способности к рефлексии явилось из болезненных последствий жестоких эмоциональных потрясений. В качестве иллюстрации позвольте привести пример дикаря, который в момент гнева и разочарования от неудачной рыбной ловли душил своего единственного любимого сына, а затем охватывается безмерным сожалением, держа в руках маленькое мертвое тело. Такой человек может запомнить свое переживание навсегда. Мы не знаем, действительно ли подобные переживания являются исходной причиной развития человеческого сознания. Но нет сомнения в том, что шок сходного эмоционального опыта часто необходим, чтобы заставить людей проснуться и обратить внимание на то, что они делают [3].

Как и большая часть психологов, Юнг напрямую связывает рефлексия с мышлением и часто в своих работах использует оба термина синонимично. Представления о мышлении у Юнга детально разработаны в рамках его типологической модели личности и с этим связано определенное противоречие. А именно, мышление концептуализируется как *рациональная психическая функция* (часть эктопсихики), диаметрально противопоставленная другой такой же функции – *чувству*. Участники указанной пары являются взаимоисключающими и взаимодействуют только с компонентами *иррациональной* пары функций – *ощущение* и *интуиция*. Таким образом, во взглядах Юнга мышление является функцией сознания, которое, в свою очередь, является функцией бессознательного (рефлексия = функция функции сознания). Противоречие здесь кроется в том, что рефлексия выходит за рамки «компетенций» функции мышления и распространяется на другие эктопсихические функции эго (например, рефлексия чувства). Также рефлексия охватывает и эндопсихику, в частности, связана с памятью.

«До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или, иначе, степени сознания. Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания, в котором рефлексия своего «Я» может не участвовать; сознание ЭГО отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших, что «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто и именно как ОНИ; оглядываясь при этом назад, в свое прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут» [2].

Таким образом, рефлексия не может быть тождественной мышлению или, тем более, быть его функцией. Рефлексия, на наш взгляд, является автономной функцией эго, которая взаимодействует с другими функциями, а также обеспечивает возможность формирование *опыта*.

«Я полагаю, что принципы научного эмпиризма остаются нерушимыми в том случае, если мы время от времени обращаемся к размышлениям, которые выходят за пределы простого сбора и классификации опытных данных. Более того, я считаю, что без рефлексии нет и опыта, поскольку «опыт» представляет собой процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего» [3].

Как видим, в наших поисках места и содержания рефлексии мы вплотную подошли к такой категории, как – *деятельность*. Необходимое нам наставление находим у Щедровицкого:

«Рефлексия существует в деятельности, является особой структурой и особым механизмом в деятельности... рефлексия является моментом, стороной, механизмом и организованностью деятельности» [4, с.105].

Деятельностный подход позволяет обратить взгляд на само ядро рефлексии, ее изначальную природу. Однако, уже на уровне дефинитивного рассуждения, ГП обращает внимание на наличие разных планов рефлексии, по крайней мере, двух форм ее существования:

«Если мы хотим понять фундаментальные моменты рефлексии, ее «исходную», если можно так выразиться, природу, то мы должны прежде всего постулировать, что это не работа сознания, не механизм расщепления сознания на самосознание в классическом смысле – все это будет объясняться как **проявление более высоких форм существования рефлексии** (здесь и далее в цитатах ГП выделено мной – В.Ш.); это особая связь кооперации, или, другим словами, связь нескольких первоначально независимых актов деятельности. Второй момент, который я выделяю в содержательном, специфицирующем определении рефлексии, состоит в утверждении, что рефлексия есть акт деятельности по поводу связи или структуры общения между двумя, по крайней мере, индивидами. Речь идет о таком общении, при котором один индивид что-то сказал другому по поводу некоторой реальной или мыслимой ситуации, а второй индивид понимает этот текст (момент понимания текста или восстановления смысла по тексту здесь должен быть обязательно); я бы даже сказал, что второй индивид, понимая текст и восстанавливая его смысл, одновременно выделяет и восстанавливает предмет мысли. И вот по поводу этого текста, этого понимания и процесса восстановления предмета, по поводу всей этой ситуации деятельности и общения должна возникнуть «рефлексия», т.е. та специфическая связь кооперации, которую я в общем виде задал и определил в первом утверждении <...> По сути дела, этим задаются лишь необходимы условия рефлексии, но еще не задаются ее особенные, специфически моменты [4, с.112-113].

Мы предлагаем различать два плана и говорить о рефлексии *первичной* (рефлексия-связь) и *вторичной* (рефлексия-расщепление). Обратим внимание, что рефлексия-связь предполагает дешифровку текста, но не ограничивается этим (иначе сводилась бы к обычному пониманию). Ключевым аспектом выступает деятельность по установлению связи между индивидами, которая реализуется в специфической кооперативной (со-деятельностной) ситуации:

«Ядро и сущность рефлексии составляет такая организация ситуации, единой для всех действующих индивидов, которая дает возможность всем индивидам, не смотря на различия их позиций и объективное различие тех смыслов, которые должны в этих ситуациях образовываться, видеть, понимать и восстанавливать один и тот же объективированный, а следовательно, и **нормированный смысл** <...> Именно в этом состоит суть рефлексии, а особые и специфические процедуры работы нашего сознания, которое «сознает себя», «разделяется» и т.п. — все это вторичные или более высокого порядка отблески подлинной рефлексии, это ее лжебытие. Подлинный и реальный механизм всех этих процессов сознания заложен не в нем самом, а во внешней организации деятельности, в тех самых **ситуациях кооперации**, которые я выше описал» [4, с. 115-116].

Таким образом, рефлексия-связь отличается от понимания тем, что в реконструкции предмета мысли из текста, помимо языковых средств, принимают участие ситуационно-деятельностные факторы. Здесь напрашиваются две параллели. Одна – синхроническое и диахроническое чтение. Некоторые, казалось бы, совсем еще «свежие» тексты 20-летней давности (не говоря уже о текстах с вековым возрастом и старше) могут завести в тупик современника, не удосуживающегося рефлексивно синхронизировать себя с соответствующим социокультурным контекстом. Вторая – более очевидная, на наш взгляд, параллель – ситуация, в которой ребенок только начинает осваивать родной язык. Ситуации кооперации здесь играют не просто решающую роль, а выступают единственно доступным инструментом «объективации и

нормирования смыслов» по Щедровицкому. Стало быть, рефлексия-связь это – соотнесение понимания текста с пониманием самой ситуации кооперации. Пересечение двух пониманий локализует онтологическое пространство, заполняемое – идеей (когнитивный результат рефлексии) и релевантным переживанием (аффективный результат рефлексии). Как видим, рефлексия-связь имеет отношение к образованию комплексов, как аффективно заряженных идей по Юнгу.

Как тут не вспомнить максимуму Лакана: «Бессознательное структурировано, как язык, и порождается им!» Можно ли считать, что ранее высказанные нами сомнения [5] по поводу применимости лакановской концепции бессознательного к текущему структурно-онтологическому анализу – были напрасными. Увы, нет. В нашем рассуждении мы пришли лишь к частичному теоретическому подтверждению гипотезы о связи между языком и бессознательным. Поэтому можем утверждать, что бессознательное лишь отчасти или в том числе структурируется и порождается языком. Подчеркнем еще раз, что взгляд ГП на рефлексю, предполагает языковую компоненту (восстановление значения текста) в качестве обязательного необходимого условия. Однако, принципиальным механизмом рефлексии являются ситуации кооперации. Поэтому онтологическим пространством, в котором разворачиваются эти ситуации (первый сегмент матрицы) является не лакановское поле языка, а более широкое измерение. Измерение, которое помимо языка состоит из многообразных ситуаций, порождаемых пересекающимися деятельностями – цивилизационное пространство или попросту *цивилизация*. В этом измерении язык является инструментом, а рефлексия-связь – механизмом *нормирования*.

Для дебютировавшего *эго* (мы исходим из того, что эта характеристика совпадает с появлением лексического эквивалента – «Я») ситуации кооперации выполняют функцию «костылей» социализации, без которых любой прогресс и адаптация не мыслились бы возможными. В терминах Юнга неиндивидуированное *эго*-сознание растворено в объектах, находится в состоянии «мистического соучастия» с ними. С одной стороны, деятельностное участие в кооперации выполняет функцию разрядки напряжения, связанного с первичным процессом анализируемой системы (горизонтальная ось матрицы). Напряжение «выталкивает» личность вовне, в поле цивилизационного взаимодействия. С другой стороны, вовлеченность в кооперацию актуализирует проблему нормирования, которая сама по себе выступает ситуацией невозможности. Разрядка одного напряжения порождает другое. Таким образом, рефлексия-связь возникает, как связывающее напряжение. Мы предполагаем, что энергия этого напряжения инкапсулируется в комплексах – пополняемых в процессе социализации хранилищах идейно-аффективного содержания. По этим соображениям, на схеме (рис. 3) рефлексия-связь отображена в виде отрезка с концевыми разнонаправленными стрелками, соединяющего четвертый и первый сегменты матрицы. Доступ *эго* к описанному «банку данных» может быть двояким. По рефлексивному каналу такой доступ, по сути, является *опытом*. Нереплексивный доступ *эго* к содержаниям комплекса – *память*.

Работа «маятника» рефлексии участвует в дифференциации материала системы, которая также сопровождается развитием функций *эго*-сознания, накоплением воспоминаний и формированием опыта. Последнее, с нашей точки зрения, постепенно готовит внутреннюю «замену» по отношению к изначально *внешне* локализованным ситуациям кооперации. В результате развития самой функции рефлексии-связи и интериоризации ее продуктов, обеспечивается формирование альтернативного

онтологического пространства. С обретением *эго* свойств «опытности», возникает расщепление (рис. 3) между «горизонтальным» сценарием первичной рефлексии и ее «вертикальным» вторичным новообразованием. По сути, это порождает структурный конфликт, на наш взгляд, обуславливающий кризис середины жизни.

Так, рефлексия-связь продолжает функционировать и «выключить» ее невозможно даже путем преднамеренной самоизоляции от социума. Однако, благодаря работе рефлексии-расщепления, *эго* начинает «вываливаться» из продуктивного взаимодействия с цивилизацией, отчуждаться от внешних ситуаций кооперации, обесценивать и обесмысливать их. Как видим, болезненный раскол *эго* возникает не в результате метафизического «зова Самости», а как неизбежное следствие трансформации накопленного системой функционального количества в новое структурное качество. На наш взгляд, именно этот механизм отвечает за, цитируемое по Юнгу в начале данной публикации, «индивидуационное обособление единичного существа, отличного от общей, коллективной психологии». Никакой избранности в индивидуации нет. Ничего личного. Ничего таинственного. Только закономерные последствия развития (издержки «опытности»), анализируемой нами системы.

В завершении данной публикации прокомментируем, почему третий сегмент матрицы мы идентифицировали именно, как – рефлексия. Ведь, для эмоциональной оценки вторичной рефлексии в терминах «лжебытия» у ГП есть все формальные основания. Семантика такой оценки, вероятно, отражает напряжение диалога по вопросу рефлексии с Лефевром [6]. Однако, вторичность того или иного феномена не лишает его онтологичности. Любое явление во Вселенной – вторично. Судя по некоторым научным публикациям, современные космологи и астрофизики даже «Большой взрыв» рассматривают, как вторичное событие, вызванное определенными предшествующими условиями и причинами. Поэтому, возвращаясь из космоса к социализации личности (предмет актуального анализа), вспомним замечание Юнга: «Не столь важно, как мы называем обсуждаемые явления. Принципиально важно, понимать значения используемых терминов». Таким образом, в рамках текущего структурно-онтологического рассмотрения, под *рефлексией* мы будем по умолчанию понимать *рефлексию-расщепление*. Такой выбор обусловлен актуализируемым в проводимом анализе содержанием и не связан с той или иной теоретической приверженностью.

Ссылки:

1. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. – М.: Прогресс-Универс, 1995.
2. Юнг К. Тавистокские лекции / К. Юнг. – М.: Астер-Х, 2015.
3. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.
4. Щедровицкий Г.П. Мышление — Понимание — Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. — М.: Наследие ММК, 2005.
5. Шимко В. Структурно-онтологическая матрица: приступаем к идентификации сегментов [Электронный ресурс] / В. Шимко // Zenodo. – 2019. – Режим доступа к ресурсу: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2586817>.
6. Левинтов А.Е. Две рефлексии [Электронный ресурс] /А.Е. Левинтов //Научный фонд имени Г.П. Щедровицкого. – 2019. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/16>

Идентификация сегментов матрицы: рефлексия, культура, цивилизация

В предыдущих публикациях мы идентифицировали три сегмента матрицы, демонстрируя основные особенности соответствующей аналитической работы. Как мы могли убедиться, распознавание матричных сегментов нуждается в строгой интеллектуальной дисциплине в интересах согласованности кирпичиков системного описания. Как правило, идентификация первого (по счету, но не по принятой нами нумерации в структуре матрицы) сегмента не вызывает затруднений. Напомним нашу рекомендацию о том, что начинать необходимо с наиболее очевидного сегмента или с наименее противоречивого. Этим шагом задается отправная точка, но не направление системологического рассуждения. Наиболее сложным является идентификация второго (опять же по счету) сегмента. По сути, этот шаг порождает вектор методологического дискурса. Третий сегмент – верифицирует теоретическую обоснованность этого вектора и, одновременно, добавляет к направленности системного описания – онтологический «объем». Четвертый сегмент, как правило, очевиден или не вызывает затруднений по аналогии с первым.

Итак, для завершения второй стадии структурно-онтологического анализа нам осталось идентифицировать еще один сегмент, который числится в нашей матрице под номером 2 (рис. 4). Эту часть онтологического пространства мы связываем с таким явлением, как – *культура*. Почему для нас такой вывод является очевидным? Для ответа на данный вопрос отметим, что за рамками прошлой публикации осталось уточнение нашего понимания термина – *цивилизация* (1-й сегмент матрицы; рис. 4). В нашем понимании, это явление связано с *культурой*, но не идентично и не синонимично ему. Цивилизацию мы понимаем в контексте парадигмы, сформулированной еще в Эпоху Просвещения французским мыслителем – маркизом Виктором Рикети де Мирабо [1]. Многие историки-науковеды аргументированно считают, что именно Мирабо ввел данный термин в широкий научный обиход в трактате “Друг народа”, вышедшим в свет в 1756 году.

«По мысли Мирабо, цивилизация возникает тогда, когда формируется социальная система, базирующаяся на гуманных основаниях, исключая проявления жестокости и диких нравов. Переход социальной системы на стадию цивилизации Мирабо также связывает с высоким уровнем наук и искусств, развитием промышленности и сельского хозяйства, расцветом торговли и денежного обращения. Образцом страны, достигшей высшей ступени цивилизации, для Мирабо была Франция последней четверти XVIII в., по отношению к которой все остальные страны рассматривались им как находящиеся на более низкой стадии развития [2]».

Однако, сама концепция цивилизации была сформулирована в контексте «городского правопорядка» еще в Античности. Задолго до «...приобретения термином <цивилизация> социокультурного значения (как стадии развития культуры, противопоставленной дикости и варварству) он имел юридическое значение — судебное решение, которое переводит уголовный процесс в разряд процессов гражданских— которое со временем было утрачено» [3]. Таким образом, *цивилизация* связана с гражданским нормированием, необходимость которого возникает в ситуациях

кооперации (Щедровицкий). Философия гражданского права не столько проявляется в карательной функции, сколько в *нормирующей* в том понимании, которое мы раскрыли при рассмотрении *рефлексии-связи* [4]. Цивилизация возникает тогда, когда происходит смещение ценностного акцента с наказания к регуляции. В этом смысле цивилизация – социальное (внешнее) бытийное пространство, которое организовано нормативно и функционирует на основе рефлексии-связи. Суть цивилизации заключается в – коллективизации ценностей и соответствующем нормировании на основе инклюзивности (включения).

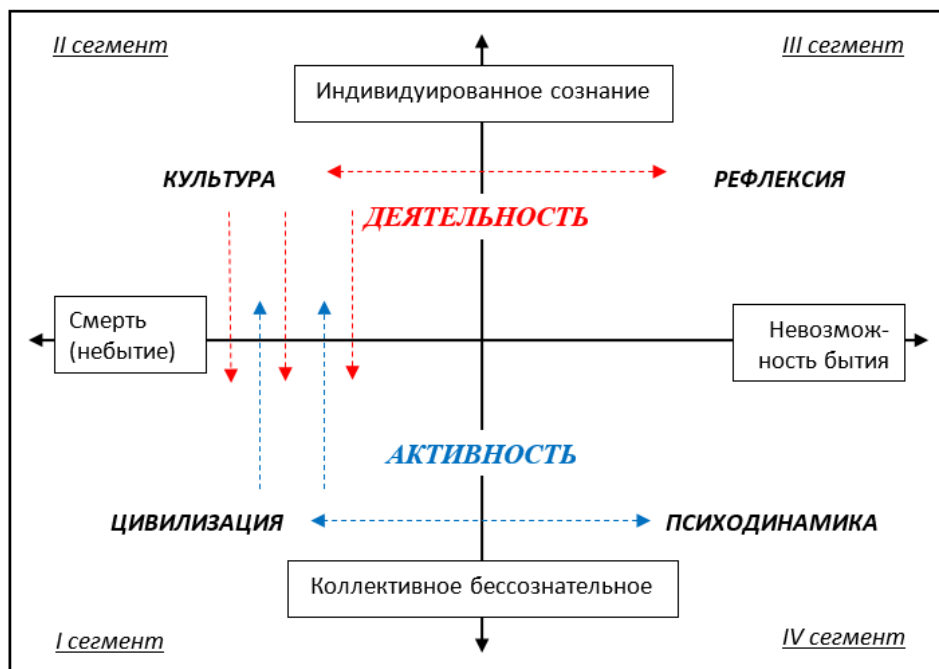

Рис. 4. Структурно-онтологическая матрица социализации личности. Культура и цивилизация.

Разумеется, цивилизация не исключает эксклюзивное (по своей природе) наказание с карательным «прицелом», однако, этот способ регуляции в цивилизационном укладе не может быть доминирующим. Иначе, на наш взгляд, нет оснований для того, чтобы говорить о цивилизации как таковой. Не ограничивает ли такой взгляд онтологию рассматриваемого предмета (социализация личности)? По нашему убеждению – нет, поскольку в карательных условиях тирании по определению не идет речь об *социализации* (скорее – об примитивном оперантном обуславливании). Также нет оснований для рассмотрения такого концепта, как – *личность* (здесь уместнее говорить о дрессированном субъекте). Как видим, личность это – цивилизованный субъект или такой субъект, который развивает способность к рефлексии-связи. Это обеспечивает не только «кооперационную эффективность» по Щедровицкому, но позволяет основному процессу описываемой системы осуществлять разрядку напряжения по цивилизационному руслу, образно говоря, оцивилизовывая психодинамику. Однако, с другой стороны, субъект оплачивает цивилизационное членство личной подчиненностью коллективным ценностям и растворенностью в группе, которая становится эквивалентом объективности, праведности и целесообразности. Такая расплата за цивилизацию может быть и часто является чем-то субъективно весьма комфортным или, по крайней мере, дарует ощущение стабильности и предсказуемости.

Ситуация радикально меняется, когда окрепшая в процессе индивидуации *рефлексия-расщепление* [4] заявляет свои права на дальнейшую судьбу личности.

«Индивидуация уводит человека из сферы личной подчиненности и соответственно от коллективности. Это и есть та вина, которую идущий по пути индивидуации испытывает перед миром, это и есть та вина, которую он должен постараться искупить. Он должен предложить вместо себя выкуп, т. е. он должен принести те ценности, которые будут его эквивалентной заменой в коллективной личностной сфере. Без производства таких ценностей окончательная индивидуация оказывается неморальной и, более того, самоубийственной. Человек, не способный самостоятельно производить ценности, должен сознательно пожертвовать собой духу коллективной подчиненности. Сделав такой шаг, он оказывается вправе сделать свободный выбор в пользу той коллективности, которой он хочет принести себя в жертву. Только в той степени, в какой человек создает объективные ценности, он способен и может индивидуироваться. Каждый последующий шаг на пути индивидуации приводит к новой вине и необходимости нового искупления. Следовательно, индивидуация возможна лишь до тех пор, пока производятся соответствующие ценности. Индивидуация является эксклюзивной адаптацией к внешней реальности и соответственно представляется в качестве «мистического» процесса. Искупление есть приспособление к внешнему миру. Оно выступает как предложение внешнему миру принять искупительную жертву» [5, с.340-341].

Производство таких объективированных ценностей, как жертвенного искупления за индивидуационное отчуждение, на наш взгляд, и порождает культуру. Здесь, необходимо сделать два принципиальных уточнения. Во-первых, культура, в нашем понимании, является процессом и продуктом *деятельности*. При этом *культурность* является специфическим признаком деятельности *per se*. Мы считаем, что не существует деятельности вне культуро-образующего поля (2 и 3 сегменты на рис. 4). Культуро-воспроизводящая «деятельность» (1 и 4 сегменты на рис. 4) не является деятельностью, какой бы осмысленной, креативной, продуктивной и пр. она ни казалась, как самому субъекту, так и постороннему наблюдателю. Это – активность субъекта, осуществляемая по цивилизационным лекалам. Цивилизационно обусловленная и нормированная активность индивида, включенного в ситуацию кооперации. Аллегорическое различие между рифмованием и поэзией отображает суть нашего взгляда на разграничение активности и деятельности. Даже когда субъект в силу обстоятельств действует автономно или изолированно, т.е. вне явного кооперационного контекста, такой контекст присутствует имплицитно. И, так называемая, самостоятельная активность индивида детерминируется усвоенными (интериоризированными) цивилизационными имплантатами, к которым мы относим широкий спектр нормирующих инструментов – от родительских сценариев/антисценариев и до принятых правил «уличного приличия» – а-ля не плевать на тротуар (или плевать).

Во-вторых, в дополнении к процитированной мысли Юнга о чувстве вины, мы считаем необходимым добавить страх. И даже поставить эту базальную эмоцию на первое место, среди факторов, мотивирующих культурную деятельность. Индивидуационное отчуждение субъекта «выталкивает» его из привычной цивилизационной «упаковки» не в какое-то «другое» место, а в неизвестность, в трансцендентное *никуда*. Индивидуация в этом смысле несет такую же тревогу, как и смерть. Индивидуация – движение в бытие, опыт которого отсутствует напрочь и он (опыт) не может быть

позаимствован. Никак. Заметим с долей шутки, сколько не читай Юнга (тут можем подставлять мириады других имен – Ницше, Кастанеда, Раджниш, Штирнер и мн.мн.др.) – анестезия от издержек личностной трансформации не наступает. Облигатность и уникальность индивидуации наталкивает на еще одно аллегорическое сравнение – научение птенцов летать. Сколько пернатые родители крыльями не демонстрируют отпрыску аэродинамическую суть вопроса – выпадать из гнезда приходится самому... Поэтому индивидуация порождает страх, который является материнской почвой для чувства вины не только перед «преданными» со-кооператорами, но и перед самим собой. Той вины, которая неизбежно возникает после шока падения из уютного (или, по крайней мере, понятного и привычного) гнезда цивилизации и которая является, возможно, первым качественным признаком неподдельной интернальности, готовности брать ответственность за происходящее с самим собой.

Вместе с тем, мотивационное наполнение деятельности выходит за рамки только лишь редукции «мрачных» аффектов страха и вины. В культуру-порождающей деятельности, на наш взгляд, присутствует попытка «вернуться в гнездо» в новом качестве. Регрессивный возврат (описываемый Юнгом, как «регрессивное восстановление персоны») мы здесь не рассматриваем, поскольку вместе с «успешной» регрессией происходит восстановление статуса цивилизационной «утопленности» субъекта и деятельность откатывается к активности. При сохранении культурной установки субъект не в состоянии быть «прежним» и, поэтому, не может избавиться от страха, искупить вину и т.д. просто посредством добросовестного исполнения своей предыдущей роли, функции и т.п. В новом (читай – индивидуированном) статусе субъект уже разотождествлен с цивилизационным пространством и видит его со стороны, а не изнутри, как это было ранее. Индивидуированный взгляд по своей природе рефлексивен, а посему культурная деятельность (напомним еще раз, что некультурной деятельности, на наш взгляд, не существует) всегда – методологична. Поэтому искупление неизбежно несет новаторский трансформирующий импульс в адрес консервативной цивилизации. Культура – динамична, революционна и глубоко индивидуалистична. Порождаемые в деятельности и предназначаемые для цивилизации ценности не обладают простой «добавочной» природой, поскольку они генерируются пост-цивилизованным субъектом.

Здесь наша позиция существенно опирается на взгляды Освальда Шпенглера [6], изложенные, в ставшей классической работе «Закат Европы», где он определил культуру, как «человеческую индивидуальность высшего порядка» и обосновал тезис о том, что «каждая новая культура пробуждается с неким новым мировоззрением» [7]. Мировоззрение не может быть коллективным по критерию происхождения. Коллективно разделяемое мировоззрение, по сути, является идеологией. В свою очередь, идеология – одна из форм и инструментов цивилизационного нормирования. Что же касается мировоззренческого источника, то он – безальтернативно уникален. Индивидуация – механизм реализации уникальности субъекта. Поэтому культура изначально наряду со свойствами индивидуалистичности обладает характеристиками пространственно-временной локальности. Культура порождается индивидуацией отдельно взятых субъектов и ее продукты («дары искупления») вступают в драматическое взаимодействие с цивилизацией. В этой связи Шпенглер формулирует гениальную мысль: «Цивилизация возникает там, где умирает культура». Особенности этого взаимодействия вместе с другими вопросами мы продолжим рассматривать в

следующий раз в рамках третьей стадии структурно-онтологического описания – анализ межсегментных связей матрицы.

Ссылки:

1. Мирабо, Виктор Рикети [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мирабо,_Виктор_Рикети
2. Понимание цивилизации и культуры в трудах в. Р. Де Мирабо [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://studfiles.net/preview/1844663/page:20/>
3. Цивилизация [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация>
4. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. — Издание 2-е., М.: «Когито Центр», 2010. — 352 с.
6. Шпенглер, Освальд [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шпенглер,_Освальд
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О.Шпенглер. М. 1993.

Межсегментные связи: индивидуация и недовольство языком

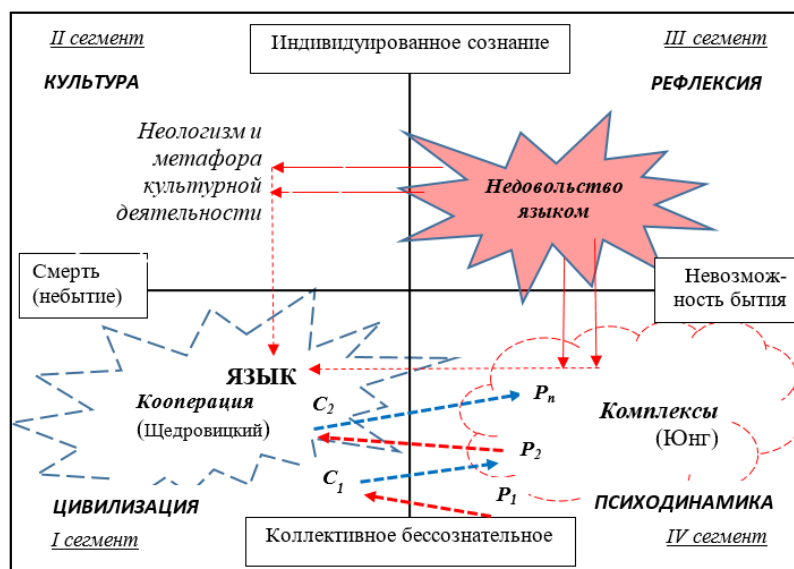
Третья стадия структурно-онтологического анализа предполагает изучение межсегментных связей матрицы. Отметим, что фундамент понимания этих связей закладывается во время предыдущего этапа – в процессе идентификации сегментов. Это происходит по причине «фейербаховского согласования» [1], которым достигается непротиворечивость выстраиваемого «знаниевого конструкта». Вместе с тем, полноценный анализ межсегментных связей возможен, разумеется, уже после того, как идентификационная работа полностью завершена. Таким образом, зафиксированный и структурно распознанный объект исследования теперь может и должен быть осмыслен в плане его онтологических свойств и характеристик, которые обусловлены и/или связаны с функциональными связями между компонентами матрицы. Подчеркнем, что такое осмысление осуществляется в тех парадигмальных границах и понятийных рамках, которые были актуализированы на предыдущих этапах системного описания.

Рассмотрение межсегментных связей начинается с той части матрицы, в которой представлено инициальное (или наиболее раннее) состояние исследуемой системы. Это необходимо для прояснения особенностей ее развития. Напомним, что в текущей серии публикаций с дидактической целью мы рассматриваем упрощенную версию структурно-онтологического метода. Мы реализуем это на примере системного описания однородных объектов (точнее – объектов, принимаемых за однородные), конституированных одним *первичным процессом* и *материалом*, обладающим изотропными характеристиками. В большинстве таких случаев генезис системы удается схематизировать в рамках единой структурно-онтологической матрицы. При работе с более сложными объектами, изучение и описание развития системы требует построения последовательной серии матриц, например, как это осуществлено нами в исследовании феномена организационной культуры [2].

Итак, в нашем случае, стартовому состоянию системы (возникновению психики, как субстанциональной основы личности) соответствует четвертый сегмент (рис. 5). Оставим в стороне полемику между приверженцами «нулевой точки» при зачатии и их оппонентами-традиционалистами, настаивающими на биологическом рождении. Условно примем позицию последних. В этот момент психика (материал системы) находится в «свернутом» состоянии. Она функционально еще не приспособлена для взаимодействия с цивилизацией. Однако, на этом этапе присутствует взаимодействие с цивилизационным пространством в физико-биологическом смысле. Цивилизация – не просто некая абстрактная коллективно-ценностная модель социума с функцией нормирования (тогда ее можно было бы свести к тексту). Цивилизация – социальная модель, одновременно отображающая и придающая предметному пространству свойства специфической организованности (материальной, информационной, событийной и пр.). По отношению к субъекту данная организованность пространства выполняет нормирующую функцию и выступает своеобразным *оператором внешней действительности* (см. наши рассуждения – реальность vs действительность [1]). Его (оператора) важнейшим инструментом, как мы уже отмечали, является – язык [3].

С другой стороны, внутренняя часть действительности представлена психодинамикой. Она, в свою очередь, характеризуется тем, что в современной неонатальной литературе подразумевают под *кризисом* или *шоком рождения*. Суть данного кризиса – в

принципиальной смене средовых характеристик (с внутриутробных на послеродовые), что качественно меняет требования к адаптации. Очевидно, что речь идет о ситуации *невозможности бытия*, обуславливающей напряжение и последующую разрядку вовне. Первичные *обще-семантические* [4] контуры психическая энергия приобретает благодаря: а) структурообразующему действию архетипов коллективного бессознательного; б) цивилизации, которая «встречает» уже концептуально упорядоченный поток и обеспечивает «вторичную настройку», наполняя архетипическую «осевую структуру кристалла» (Юнг) конкретизированным жизненным содержанием и не только, о чем пойдет речь дальше.

Рис. 5. Межсегментные связи: индивидуация и недовольство языком.

Оба формообразующих аспекта предполагают и обуславливают активизацию материала рассматриваемой системы (психика) и, как следствие, его преобразование. Прежде всего это происходит путем дифференциации экто-психических функций, обеспечивающих решение адаптационных задач при взаимодействии с предметной средой. Даже самый первый психодинамический акт новорожденного (примем условно, что он связан с криком), является актом трансформирующего (материал системы) развития. У младенца отсутствует «опыт крика». Новизна психодинамики, сопровождающей соответствующую телесно-двигательную активность, является тем фактором, который обуславливает рост. Это схематически отображено восходящим векторным отрезком $P_1 - C_1$ (рис. 5). Даже, если этот крик не был отвечен человеческим вниманием, младенец все-равно получает обратную связь из внешней действительности – он воспринимает звуковую волну своего собственного голоса, процессирует стимуляцию, включая этот (уже внешний) раздражитель в дальнейшую внутреннюю цепочку психодинамики.

Развитие экто-психики автоматически увеличивает потенциал и фронт восприятия стимулов из цивилизационного пространства. Это вкпе с объективным многообразием и многоаспектностью цивилизации обеспечивает то, что «цивилизационный ответ» часто превосходит психодинамические готовности, стимулируя дальнейшую дифференциацию материала системы (восходящий векторный отрезок $C_1 - P_2$, рис. 5).

Как видим, развитие осуществляется по принципу раскачивающегося маятника, спирально двигающегося вверх (рис. 5). Здесь мы оставляем за скобками нашего рассмотрения те случаи, когда активность «маятника» не приводит к восходящему движению или, наоборот, стремится вниз нашей схемы. Сама возможность такого межсегментного взаимодействия очевидна из нашей структурно-онтологической матрицы и позволяет при необходимости заинтересованному исследователю сформулировать соответствующие гипотезы.

Обратим внимание, на еще одну принципиальную особенность связи между четвертым и первым сегментом. Цивилизация является не только приёмником психодинамического «выплеска». Выше упомянутая «вторичная настройка» предполагает такую дифференциацию психики, которая обеспечивает способность к унификации (рефлексия-связь) посредством языка. Психика не просто содержательно «напитывается» извне. Цивилизация также выполняет структурообразующую (порождающую) функцию по отношению к психодинамике. В этой связи вспомним представления Лакана о структурной связи бессознательного и языка, биолингвистическую позицию Хомского и др. концепции. «Вторичность настройки» вовсе не означает ее подчиненность или меньший вес в социализации личности. Ответ на эти и подобные вопросы относится исключительно к прерогативе эмпирического изучения. Здесь уместно напомнить о границах компетенций системной методологии, которая отвечает на вопросы иного рода – ЧТО изучаем и КАК это делаем?

Для нашего анализа колоссальную важность имеет то, что рассматриваемая межсегментная связь придает материалу системы организованность с помощью языка, как специфического инструмента цивилизационного нормирования. Ранее мы отмечали, что в процессе индивидуации благодаря работе рефлексии-расщепления, *эго* начинает «вываливаться» из продуктивного взаимодействия с цивилизацией, отчуждаться от внешних ситуаций кооперации, обесценивать и обесмысливать их [3]. Изложенное заставляет задать уточняющий вопрос – от чего именно отчуждается *эго*? Что конкретно является той субстанцией, по отношению к которой *эго* занимает центробежную позицию? Актуализация этого вопроса переводит локус нашего внимания на связь следующей пары – *рефлексия* и *психодинамика* (сегменты 3 и 4, рис. 5). А сам ответ на данный вопрос очевиден, если вспомнить, что ситуации кооперации (Щедровицкий) реализуют себя не иначе, как через язык. Итак, в дополнении к уже подробно рассмотренным особенностям связи на линии *психодинамика* – *рефлексия* при анализе двух планов рефлексии [3], мы формулируем следующую гипотезу. Индивидуационно обусловленное развитие *рефлексии-расщепления* отчуждает *эго* от цивилизации, что опредмечивается через тенденцию к отказу от языка (далее – *недовольство языком*) или, по крайней мере, дистанцирование от соответствующей онтологии.

Какой бы странной, на первый взгляд, не воспринималась эта гипотеза, но у нас есть достаточные основания для ее формулирования. Суть этих оснований – результаты работы со структурно-онтологической матрицей, изложенные в предыдущих публикациях. Недовольство языком проявляется себя широким поведенческим спектром – от молчания (буквальный отказ) до предпочтения неязыковых форм активности (музыка, танец, пантомима и т.д.). Однако, связь с языком не просто сильна, она – структурна и в этом смысле фундаментальна для личности. Поэтому полная делингвизация просто невозможна без тотальной деструкции личности. Как следствие, недовольство языком реализует себя частично и по двум направлениям, которые

очевидны при рассмотрении нашей структурно-онтологической матрицы (рис. 5). Во-первых, на линии реализации «недовольства» (3 и 4 сегменты, рис. 5) находятся сформированные языком и/или с участием языка психодинамические структуры – комплексы, как аффективно-заряженные идеи (Юнг). Мы предполагаем, что именно этот «уклон» обуславливает дестабилизацию мировоззрения в период кризиса середины жизни, ре-актуализацию инфантильных воспоминаний, перцептивных сценариев, поведенческих паттернов и т.п. Во-вторых, недовольство языком привносит (сегменты 2 и 3, рис. 5) в культурную (искупительную по Юнгу) деятельность дух неологизма и метафоры. Подробнее об «неологизации» и «метафоризации» культуры, а также о том, что же в результате недовольства языком происходит с самим «виновником» – поговорим в следующий раз.

Ссылки:

1. Шимко, Виталий. (2019, March 7). Структурно-онтологическая матрица: приступаем к идентификации сегментов. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2586817>
2. Vitalii Shymko, (2018) «Object field of organizational culture: methodological conceptualization», International Journal of Organizational Analysis, Vol. 26 Issue: 4, pp.602-613, <https://doi.org/10.1108/IJOA-03-2017-1135>
3. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>
4. Общая семантика [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общая_семантика

Недовольство языком: культурная диверсификация или диверсия?

В предыдущей публикации, анализируя связи между 2 и 3 сегментами структурно-онтологической матрицы (рис. 5, [1]) мы сформулировали предположение, которое обозначили как – *недовольство языком*. Напомним, что суть этой гипотезы в отчуждении эго-сознания от цивилизационной *кооперации* (Щедровицкий), что обусловлено развитием в процессе индивидуации *рефлексии-расщепления*. Также напомним, что психологическим механизмом кооперации является *рефлексия-связь*, а инструментом – язык. Недовольство последним, собственно, является симптомом структурного конфликта между двумя рефлексиями [2].

Особый драматизм данного конфликта заключается в том, что язык оказывается между молотом и наковальней двух психодинамических факторов, морфология которых им же (языком) и сформирована. Весьма огрубляя, можно сказать – происходит борьба против языка и с помощью языка. Ситуация осложняется еще и невозможностью делитивизации личности без ее психологической аннигиляции. Редукция структуры психики к уровню где бы функционировала только какая-то одна из рефлексий эквивалентна возникновению тяжелых морбидных состояний (либо тотальная регрессия или полный отрыв от цивилизационной онтологии). И наконец, развитие психической организации личности на качественно новый уровень, где конфликтующие факторы были бы качественно «примирены», на наш взгляд, лежит в плоскости метафизических спекуляций. Как видим, природа рассматриваемого конфликта – принципиально контрпродуктивна.

Другими словами, возникающая ситуация невозможности создает напряжение без созидающего (структурообразующего) вектора, что оставляет доступным единственное направление разрядки напряжения – отреагирование (в культурную деятельность). При этом важно учитывать, что наряду с недовольством языком в данном «выхлопе» содержится «искупительная мотивация» (Юнг). То есть конфликт рефлексий купируется, простите за вынужденную тавтологию, по конфликтному сценарию. А именно, в едином мотивационном побуждении культурной деятельности присутствует агрессия фрустрационного происхождения, негативная ценность языка и чувство вины перед цивилизацией.

Возвращаясь к тезису о противодействии языку с помощью языка, зададимся вопросом – как такое возможно в практической плоскости? На наш взгляд, наиболее простой и распространенный вариант – с помощью механизма *неологизации*. Здесь термин подразумевает не столько введение в язык принципиально новых грамматических единиц, что является «верхушкой айсберга» неологизации, понимаемой в лингвистическом ключе. Мы данный термин понимаем в контексте психологической защиты, динамический смысл которой – снятие напряжения от невозможности бытия и реализация побуждения с описанной выше мотивационной семантикой. Такая защита реализует себя посредством разнообразных психолингвистических механизмов мультиплицирования единиц языка *per se*, проявляющем себя в целом спектре грамматических феноменов – синонимия, антонимия, омонимия, полисемия и т.д.

На наш взгляд, указанные механизмы не являются специфическими по отношению к недовольству языком. Вероятно, они возникают в процессе эволюционного развития языка и выполняют функцию расширения языковых форм, необходимых для адекватного описания многогранной действительности (как внешней, так и внутренней). Однако, эти механизмы используются в качестве каналов сброса напряжения, вызываемого недовольством языком. Это приводит к очевидной «избыточности» языкового инструментария, с точки зрения адаптации человека не только в узком биологическом, но и в широком социальном (в наших терминах – цивилизационном) смыслах.

Так, индивидуированные личности часто, во-первых, не могут не только выразить свои переживания языковыми средствами, но и «уместить» себя в язык в когнитивном плане, при осмыслении вопросов широкого тематического спектра: от повседневных до профессионально-творческих. Это обуславливает у указанной категории людей стремление к повышению уровня, так называемой, вербальной культуры родных языков и часто мотивирует изучать иностранные. По нашим наблюдениям, у лиц адаптивно переживающих кризис середины жизни, недовольство языком проявляется в условно мягкой форме, которую нам кажется приемлемым назвать – *недовольство недостаточностью языка*. Во-вторых, индивидуация сопровождается буквальная неологизацией языка, реализуемой привнесением новых слов-понятий в рамках осуществляемых культурных деятельностей. Разумеется, такие привнесения отражаются как на формальных, так и содержательных характеристиках этих деятельностей. Раскрытие соответствующих подробностей требует подробного отдельного изложения, на котором мы здесь не останавливаемся. Отметим лишь, что указанные деятельности инициируются и осуществляются с субъективным переживанием долженствования привнесения «полезной новизны» [1].

Подобным образом недовольство языком «проникает» в культуру и через метафоризацию, которую мы также понимаем в русле психологической защиты, одновременно оставаясь при этом на орбите классического Аристотелевского взгляда на «искусство, как подражание жизни». Если неологизация предполагает работу защиты на уровне *слова-понятия*, то метафоризация относится к уровню – *сюжет-дискурс*. Собственно, наши наблюдения красноречиво свидетельствуют в пользу того, что в процессе индивидуации, личность преимущественно, *подражает подражанию жизни*. Данный вопрос утрачивает всякий дискуссионный оттенок, если вспомнить «стену языка» Лакана, по ту сторону которой находится не символизируемое языком *Реальное*, доступное лишь в сновидении и в психозе.

Подражание подражанию хорошо заметно в повторяемости сюжетов и дискурсов в любых продуктах речевой деятельности – от спонтанных речевых высказываний до литературной классики. Лакан объяснял это, как проявление естественной ограниченности языка, утверждая при этом существование всего лишь четырех дискурсов, три из которых являются подвидом одного. У Юнга находим более оптимистично сформулированный взгляд о теоретическом существовании такого количества архетипов (а значит – сюжетов), сколько есть жизненных ситуаций. Однако, все архетипы также берут начало в одной точке (Самость), из сингулярности которой появляются неподражаемые Эрос и Логос, а все остальные архетипы – могут быть редуцированы к указанной троице. «Морфология волшебной сказки» Проппа не оставляет места для серьезных сомнений в данном вопросе и позволяет сохранить

вежливость, избегая дальнейшего перечисления плеяды замечательных ученых, чьи выводы – аналогичны.

Неологизация и метафоризация – в описанном нами понимании, как проявления недовольства языком – приводит к существенной диверсификации онтологии культуры. При этом культура всегда гетеростатична и, тем самым, выступает диверсией, нарушающей гомеостазис цивилизации. Почему у последней нет иммунитета от такого влияния? Этот и некоторые другие завершающие вопросы структурно-онтологического анализа социализации личности, рассмотрим в следующий раз.

Ссылки:

1. Шимко, Виталий. (2019, June 4). Межсегментные связи: индивидуация и недовольство языком. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.3238315>
2. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>

Структурная онтология социализации личности. Завершающие замечания

Финализируя рассмотрение социализации личности, обратим внимание на те, по нашему мнению, ключевые моменты, которые были раскрыты в предыдущих публикациях. А именно, социализация протекает по руслу индивидуации, что неизбежно приводит к структурному конфликту двух рефлексий. Это обособляет личность, однако не освобождает ее от цивилизации. Индивидуационно обусловленное напряжение разряжается в культурную деятельность, которая «расшатывает» консервативно организованное цивилизационное пространство.

Цивилизационное нормирование всегда, в конечном итоге, уступает культурной революции по ряду причин. С одной стороны, индивидуированные «революционеры» редко полностью изолируются от цивилизации, часто занимая в ее социально-властной иерархии заметные позиции. С другой стороны, в связи с ростом продолжительности жизни и общей тенденцией к старению человечества, количество людей, охваченных «недовольством языком» – неуклонно растет. Увеличивается процент населения, у которого есть активный запрос на «революционные» перемены.

Отдельно отметим, что поощряемый цивилизацией научно-технический прогресс необходимо также рассматривать, как одно из последствий (имплантированных культурой в цивилизационную норму) проявления «недовольства языком». Священный для любого исследователя критерий научной новизны, в определенном смысле, является рационализацией, которая оправдывает «расшатывание» устоявшейся системы знаний о мире. Именно в сфере науки и техники – цивилизационная норма (текущее конвенциональное знание) устареваеt наиболее быстро. С тезисом о том, что новое знание – всегда благо, очень сложно не согласиться на первый взгляд. Однако, так ли это на самом деле?..

Расхожий термин «моральное устаревание», давно утратил статус констатирующей дефиниции и отражает соответствующую аксиологическую позицию. Давайте разберемся, в чем ее суть. Не в том ли, что «старое» (принадлежащее к цивилизационной онтологии) ассоциируется с негативной ценностью? Морально устаревшее – это то, что не соответствует «духу времени», «актуальным трендам», «вызовам современности» и пр. На все эти категории претендует культура, которая в противовес историчности цивилизации, устремлена в обещание «светлого будущего».

Для этих целей культура «объявляет» настоящее объектом пристального и предубежденного внимания, конкурируя с ретроспективным конституированием настоящего цивилизацией. Если позволить себе смелость взглянуть на эту «конкуренцию» с биологической точки зрения, то цивилизация отражает устоявшиеся характеристики и закономерности эко-среды. А культура – попытки активного преобразования последней со стороны ее обитателей. Однако, в животном мире мы не встречаемся с подобными паттернами. Все живое, за исключением людей и вирусов, функционирует по принципу поддержания средового баланса.

Продолжая биологическую параллель, на нашей структурно-онтологической матрице соответствующая онтология охватывала бы нижнюю полуплоскость (первый и четвертый сегменты на всех рассмотренных ранее схемах). Здесь аналогом социализации выступает процесс достижения функциональной зрелости организма в плане адаптации к средовым характеристикам. Онтология биологического, очевидно, не содержит аналога индивидуации. Релевантом рефлексии-связи в животном мире является внутри клановая (стая, стадная и т.д.) «кооперация», обеспечивающая выживание отдельных особей и вида в целом. Аналогов же рефлексии-расщепления попросту не существует. Напомним, что о двух планах рефлексии мы подробно останавливались ранее [1].

Горизонт человеческой социализации распростерт далеко за пределы точки невозврата к гармоничному единству со средой. Социализация приводит к потребности в культуре, как способе разрядить индивидуационно обусловленное напряжение. Культурные новации «благими намерениями» метят в «лучшее завтра». Цена такой претензии заметна не всегда сразу и явно, но обязательно предполагает последствия в виде дестабилизации, а не редко и откровенной деструкции цивилизационного уклада или другими словами — нормирования. Глобальное потепление, истощение природных ресурсов, галопирование масштабов экологического загрязнения среды, надвигающаяся пандемическая угроза резистентных к антибиотикам бактериальных инфекций — наиболее кричащие «дети» культуры, понимаемой в терминах нашего анализа.

В этой связи уместно вернуться к максиме Шпенглера: «Цивилизация возникает там, где умирает культура» [2]. Раскрытый в предыдущих публикациях взгляд на социализацию заставляет, если не переосмыслить, то добавить важную обратную грань понимания данного тезиса — рождение культуры несет смерть текущему цивилизационному укладу. Цивилизация — это то, что осталось после вспышки очередной культурной сверхновой. А как мы уже знаем, консерватизм цивилизации является принципиальной предпосылкой для структурирования психодинамики [3], из которой когда-то родится очередное недовольство языком и новая культурная революция.

Отдельно отметим, что наш взгляд на данный вопрос — не отображает сентиментальную, а равно любую другую ценностную позицию автора. Формулируемые выводы — не более, но и не менее, чем результаты проведенного структурно-онтологического анализа процесса социализации личности в режиме «как есть».

Напомним, что системный дискурс по этой и другим тематикам может и должен предполагать построение альтернативных аналитических описаний. Когда один и тот же объект исследования фиксируется посредством различных гипотез о первичном процессе и материале системы. Также вариативность системного описания достигается использованием различных теоретических концептов при идентификации сегментов матрицы и исследовании межсегментных связей. Последующее контрастирование двух и более описаний одного и того же объекта, как правило, позволяют сделать важные уточнения в построении соответствующего «знаниевого конструкта» и обладают самостоятельным эвристическим потенциалом.

Данной публикацией мы завершаем введение в структурно-онтологический метод. И не смотря на то, что ряд методических вопросов остался за кадром (например, визуально-графическое изображение генезиса системы; мультиматричные описания; составление и работа с объемными матрицами и др.), предложенного материала достаточно для того, что бы продолжить построение «знаниевых конструкторов». На очереди – урбанистическая проблематика. В последующих работах мы зададимся вопросом обитаемости городов, поинтересуемся закономерностями их жизни и развития, заглянем в сердце городских сообществ и других феноменов агломерации.

Ссылки:

1. Шимко, Виталий. (2019, March 24). Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2604703>
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О.Шпенглер. М. 1993.
3. Шимко, Виталий. (2019, June 4). Межсегментные связи: индивидуация и недовольство языком. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.3238315>